

АЛЕКСАНДР КУРЗАНЦЕВ

НАСЛЕДНИК, КОТОРОМУ ПО...

К Н И Г А # 1

Александр Олегович Курзанцев

Наследник, которому по...

Серия «Тот, которому по...», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69246487

Аннотация

Его звали архимагом, его звали богом, его звали императором, иногда богом-императором одновременно. Когда-то он даже имел титул, – Смертоносный Бог Убийца Царь Смерти. Временами он был Светлым властелином, и тогда к нему приходили войной тёмные, временами, – Тёмным, и тогда приходили войной светлые. О его любовных похождениях рассказывали легенды, в его гаремах были тысячи первых красавиц, но однажды он совратил высшую суккубу, – жену верховного демона – и жизнь величайшего мага современности трагически оборвалась. А, когда он переродился в совсем другом времени и мире, в теле наследника магического аристократического рода, то понял, что в новой жизни надо что-то менять...

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александр Олегович Курзанцев Наследник, которому по...

Глава 1

Толкнув дверь школьного туалета я практически сразу упёрся в мощный торс бугая почти полностью перекрывшего своей тушей проход.

– Чё надо? – рыкнул старшак, оказавшийся на голову выше меня.

Оглядев снизу вверх туго обтянувшую его телеса школьную форму почти лопающуюся на широченной груди, я поморщился, ответил с легким вызовом в голосе, – Руки помыть.

Посмотрев на мой значок аристо, сверкавший золотом и платиной на стоячем воротнике пиджака, старшак, явно из простолюдинов, хоть и клановый, посопел немного, набычившись, затем подвинулся, давая пройти.

Бросив походя короткий взгляд на туалетные кабинки, в одной из них я увидел парочку школьников ко мне спиной и ноги третьего болтавшиеся между ними. Периодически лилась вода и слышались невнятные бульканья перемежающи-

еся криками.

«Опять кого-то в толчке топят,» – понял я, закатал рукава формы и открыв кран, принялся не спеша омыwać успевшие за три урока запачкаться ладони. Что поделать, я был тот ещё чистюля.

Закрыв кран, тщательно протёр руки бумажными полотенцами, затем, ещё раз заглянул в кабинку к топителям.

– Ты нам всё расскажешь, – шумно сопел один из них, приказал второму, – давай, жми.

Напарник его с готовностью вновь надавил на педаль, сливая наполнившийся бачок.

– Идите в жопу! – стоило бачку опустеть, прорвался истошный крик третьего, и ноги задрыгались с удвоенной силой.

– Вы или глубже макайте, или дольше держите, – посоветовал я им.

Двое смутно знакомых парней из параллельного класса угрюмо на меня покосились, но ничего не ответили, а я, с чувством исполненного долга, как-никак руки помыл, пошел на выход.

В коридоре опять кого-то пинали ногами, но это мелкота отрывалась, года на два меня младше. У них вечная забава выяснять кто круче. Причём, вот парадокс, выясняют кто круче в магии, но, почему-то кулаками. Хотя этой магии у них там с гулькин хрен, вот и остаётся, что применять одну грубую силу.

Да, я не просто в магической школе, я в магической школе для дебилов.

Ну а как ещё назвать место, куда собирают младарей которые вроде как маги, но с настолько мизерным резервом, что на какое-то реально сильное колдунство его не хватает. Мда, младарей – вроде меня.

Ах да, в этом мире всех людей делят на три типа: бездари – то есть вообще обделённые магией люди, младари – люди с малым даром как у меня и всех в этой школе и болдари – люди обладающие большим даром, которые, собственно и являются магической элитой.

Хотя мне грех жаловаться. Я, всё-таки не где-нибудь, а в теле самого натурального аристо оказался, аристократа, то бишь. Сильный род, серьёзная репутация, поэтому доказывать кому-то что-то не надо, двухцветный значок на воротнике всё и так говорит за меня. И хоть, формально, в школе все равны, но сильно быковать на аристократов не рекомендуется, чревато неприятностями. Хотя бы потому, что у аристократа куда больше возможностей для манёвра.

– Дрейк! – услышал я испуганный с нотками мольбы голос. Дрейк – это моё имя. А фамилия, если что Рассказов. Но некоторые пафосно произносят как Рассказофф. Ага, вот так, с двумя «эф» на конце. Аристократы, фигли.

Обернувшись, улыбнулся, помахал рукой, узнав одноклассницу, – О, привет Анюра, извини, сразу не заметил.

Ну а как её заметишь, если с двух сторон два здоровяка её

к стене прижали и держат. Посмотрев на часы, поторопился в столовую, а то разберут чёрную икру, одну красную жрать придётся.

Да, наша школа для деби... то есть, конечно же для младарей называется «Последний Путь», долго спрашивал почему не крайний, но все только плечами пожимают, видать не суеверный народ. Подаётся это в том смысле, что у младарей других вариантов как только сюда нет.

Мы не единственные, таких школ по миру прилично, ибо магов достаточно много, сколько не скажу, всё засекречено, но думаю что около процента всего населения. И это и младари и болдари вместе, а на одного болдаря сотня младарей приходится. Вот и считайте. Реальных магов один на десять тысяч.

Дверь класса передо мной распахнулась и оттуда с криками ужаса ломанулась толпа тринадцатилеток – первоклассников. Считается, что с тринадцати до двадцати одного года самый благоприятный возраст для развития магического дара, соответственно и идут в первый класс в тринадцать, а выпускной – восьмой, оканчивают в двадцать один.

Мне, кстати, семнадцать и я недавно перешел в пятый.

– Стоять, сукины дети! – проревел вылетевший вслед за ними Корнелий Дорж, по кличке «Шизоид», самый отмороженный учитель началки. Схватил последнего, не успевшего далеко убежать, ученика за ногу и потащил обратно в класс. Школьник орал, писался и ногтями скрёб по полу, вот только

Корнелия этим было не пронять. Долбаный фанатик учебного процесса.

Переждав у стены пронёсшуюся мимо меня с выпученными глазами толпу, отряхнул пиджак от осевших пылинок и вновь устремился к столовой для аристократов. А вы что думали, икру в общей что ли подают?

На самом деле двери в столовые вполне соседствовали, и даже сами помещения друг от друга были отделены весьма условно – стеклом. Бронированным естественно, но стеклом, чтобы простолюдины смотрели и завидовали аристократам, жуя перловку и рис, в то время когда ваш покорный слуга трескает красную рыбу и закусывает бутербродами с икрой.

Спрашивается, а зачем это всё? Скажете, что школьная администрация сама провоцирует недовольство в школьной среде, вот таким ярким разделением? И будете правы. Провоцирует, и весьма сознательно. Как и вот эти выяснения отношений, драки, психологический прессинг и даже водные процедуры в туалете.

Зачем? Ну так считается, что это может пробудить дар, из малого сделать большим. Даже какие-то исследования есть, что регулярные унижения повышают шанс скакнуть в даре на ступеньку выше на целых тридцать процентов. И это главная задача подобных школ, дать на выходе как можно больше болдаров.

С теми же, кто дотянул до двадцати одного и с младара

выше не прыгнул, тоже дальше возиться смысла нет, шансы начинают резко стремиться к нулю. Поэтому их просто выпинывают в обычную жизнь, мало отличающуюся от таковой у бездарей.

Толкнув дверь столовой, по мраморному, отполированному до состояния зеркала, полу прошел к одному из уютных небольших столиков, возле которого уже ждал предупредительно склонившийся официант.

Упав на стул, не глядя в меню, произнёс, – Мне как обычно.

– К сожалению, – с виноватым видом произнёс официант, – хамона Иберико де Бейота сегодня нет, наш поставщик...

– Пофиг, – перебил я того с постным лицом, – нет хамона, значит нет.

– Можем предложить фритту с лобстером и севрюжьей икрой.

– Ну тащи, – махнул я рукой, а сам со скукой принялся разглядывать через стекло общую столовую.

Там уже вовсю шел махач на разносах, которые добрая администрация сделала из листового железа. Парочка тел уже лежала на полу без сознания. Кто-то скакал козлом на столе, пока не сбили метким броском стула, ещё одного со средних классов активно возили лицом по разделяющему нас стеклу и его расплющенная физиономия даже пробудила во мне небольшой интерес, больно уж забавно смотрелась.

Пикантности добавляла почти полная звуконепроницаемость, делавшая зрелище пантомимой времён немого кино.

– Любуешься? – прозвучал над ухом томный голос.

Обернувшись, я увидел ещё одну аристокласом старше, тоже как и я из младар, Веронику Казимирову. В свои восемнадцать она была весьма хороша собой, правда грудь подкачала, но она это компенсировала накачанной в тренажёрке задницей. Род у нее был, конечно, похуже моего.

– Не хочешь пригласить за столик? – спросила она, продефилировав мимо меня, вовсю двигая своими нижними «девяносто».

– Неа, – лениво произнёс я.

– И что ты такой недотрога, – посетовала она, всё-равно усаживаясь на стул напротив.

– Госпожа, – тут же подлетел ещё один официант, – что будете заказывать?

– То же, что и господину Рассказову, – проворковала девушка.

– Хамона нет, – тут же предупредил я.

– Жаль, – опечалилась на секунду Вероника, – а что заказал взамен?

– Фритту с лобстером и севрюжьей икрой, – тут же доложил официант.

Милостивым кивком подтвердив выбор блюда, она вновь посмотрела на меня.

– Ну так что, Дрейк, – голос её немедленно изменился, а

глаза, сузившись, холодно блеснули, – ты принимаешь моё предложение?

– Неа, – всё так же лениво протянул я.

– Ты же аристо, ты же знаешь, как это работает на самом деле, хочешь вырасти в даре, унижай сам. Давай, я уже парочку старшаков нашла, кто будет нас прикрывать. Вместе будем гнобить простолюдинок. Ты будешь одежду с них сдирать, а я морально уничтожать. Вариант верный, год-два и болдарами станем.

– Пофиг, – покачал я головой, – не интересно.

Она продолжала ещё что-то говорить, приводить какие-то аргументы, но я не слушал. Малый дар, большой дар... Ну вот спрашивается, зачем рвать задницу. Да, сейчас я могу зажечь огонёк над пальцем, от которого можно разве что прикурить, а перешагнув ступень, научусь швырять файерболы которыми можно спалить человека. Но до попадания сюда, в это тело, я был сильнейшим магом своего мира, и с позиции тех сил и возможностей, что малый дар, что этот местный большой, были проявлениями магии ровно одного порядка, каким у меня младшие ученики баловались.

Если бы была возможность развить хоть десятую часть своего бывшего могущества, то я бы ещё подумал, но так, смысл заморачиваться?

Вот, кстати, нахватал словечек жаргонных у бывшего владельца, и ведь въелись настолько, что употребляю не задумываясь.

Так что местная магия была полное фуфло. Зато было кое что другое, что восхищало меня в разы больше. Не удержавшись, я и в столовой, запустил руку в карман и, достав оттуда портативную консоль, запустил симулятор гонок. Компьютеры и машины, вот что очаровало меня с самого попадания в этот мир. Вот это была действительно магия, не то что их жалкие файерболы.

Увидев такое, Вероника наконец заткнулась и возмущённо вспыхнув, отсела от меня за соседний столик, взмахом показав официанту, что заказ ей нести туда.

Плевать, мне изначально не нужны были соседи.

Отобедав, я уголком салфетки промокнул губы и благоклонно кивнув официанту, направился обратно в класс.

Стоило мне подняться на второй этаж, как из-за угла вылезла крепкая мускулистая рука, схватила меня за отворот пиджака и утащила за собой.

– Эй ты, гони бабло! – грозно пробасила человекообразная обезьяна из школьной гандбольной команды. В смысле это, конечно, был обычный старшеклассник, но низкий покатый лоб и широченная выпирающая вперёд челюсть, очень уж роднили его с нашими братьями меньшими.

– Милостыню не подаю, – ответил я, нисколько не впечатлённый пудовым кулаком маячившим в опасной близости от лица.

– Да ты!.. – тут он увидел значок аристо, и как-то сразу присмирел. Отпустил пиджак, разгладил лопатообразны-

ми ладонями складки, произнёс заулыбавшись, – То есть, я хотел сказать, вы. Проходите пожалуйста, я вас перепутал с другом.

«Какие вежливые старшаки пошли», – подумал я, вслух бросил, – Окей, другу привет.

– Обязательно передам, – охотно ответил бугай, продолжая улыбаться.

Отойдя метров на десять, я услышал за спиной возню, а затем грозный голос старшака, – Эй ты, тебе привет. – На последовавшие за этим звуки удара и падения тела на пол, я уже привычно не обратил внимания.

Зайдя в класс, оглядел уныло сидящий за партами народ. Ну да, это для меня прогулка по коридорам в перерыве ничем особым не грозила, остальные, сплошь простолюдины, там только по нужде, кто-то даже в столовую не ходил, брал с собой еду.

В классах, кстати, не трогали. Успел забежать, всё, считай отбил. Но не то чтобы это было такое прям святое место, просто в классах прерогатива гнобить и унижать была исключительно за учителем и попытавшиеся это правило нарушить сами могли огрести по полной.

Сев за последнюю парту, возле окна, откинулся и закинув ноги на стол, принялся дальше играть в гоночки, временами высовывая от усердия язык в особенно сложных поворотах.

Тут в класс вошла заплаканная Аняра, и ни на кого не глядя, уселась на своё место. К ней тут же подорвался наш мест-

ный герой-простолоудин, Такаюки Иванов и принялся утешать, поглаживая по плечу. Склонился ниже, принявшись о чём-то расспрашивать, затем, помрачнев лицом, направился ко мне.

– Почему ты ей не помог? – нависнув надо мной, с вызовом спросил он.

Оторвавшись от игры, я посмотрел на него, зевнул, а затем спросил, – Скажи, Такаюки-кун, вот ты часто участвуешь в драках?

Он побагровел, как это происходило всегда, стоило подколоть его японским именем, доставшимся от слишком оригинальных родителей. Всё-таки, морда у него была чисто славянская, широкая, веснушчатая. И даже волосы яркого соломенного цвета. Назвать такого японским именем было тем ещё троллингом.

– Не ошибусь, если скажу, что каждый день, – ответил я за него, – и у меня вопрос – зачем? Уверен, большей части из них можно было бы избежать. – Я чуть было не сказал – убежать, но Иванов от драки не бегал, чем вызывал бы некоторое уважение, если бы мне не было абсолютно и всеобъемлюще пофиг.

Пораздував пару минут ноздри, он ответил, – Потому что это делает меня сильнее.

– Ну так и её это делает сильнее – пожал я плечами, – глядишь, так и в болдары перескочит.

– Тебе плевать на всех, просто потому, что повезло ро-

диться в семье аристо, – произнёс он тоном прокурора-обличителя.

– Ага, – подтвердил я, потеряв последний интерес к этому разговору и вновь переключаясь на консоль.

– Если бы ты оказался в шкуре простолюдина, пел бы по другому!

– Наверно, – покивал я головой, полностью отдавшись новой гонке.

– Если бы тебя избивали каждый день!..

– То я бы тоже становился сильнее, да-да. Е!.. – воскликнул я, – Новый рекорд!

– Тьфу, – сплюнул на пол Иванов. Он бы сказал ещё что-нибудь, но тут прозвенел звонок и все поспешили занять свои места. Даже мне пришлось убрать ноги со столешницы и временно отложить игру. На уроке учитель был царём и богом и имел возможность невозбранно наказывать всех, даже аристо, в полном соответствии с уставом школы и договорами подписанными всеми родителями без исключения. Задача сделать как можно больше болдаров была поставлена государством и все рода признавали эту необходимость.

Стремительно влетев в класс, наш преподаватель физики, Аристарх Эдмундович Канаплян, сразу раздал пару лещей отъявленным двоечникам и как на крыльях взлетел на кафедру у доски, а я тут же приободрился и замер в предвкушении. Видимо, какие-то пертурбации возникли в расписании и вместо скучной истории магического средневековья,

нам четвёртым уроком поставили мой любимый предмет.

Всё-таки, в этом мире, весьма бедном на магию, смогли развить науку так, как в моём прошлом мире не снилось и самым великим мудрецам. О эти волшебные законы: Фарадея, Ома, Гей-Люссака... Когда я, сам, лично, разобрался во втором законе термодинамики, то был просто очарован тем насколько красив и элегантен мир, когда на него смотришь сквозь призму физики. В общем, это была любовь с первого взгляда. Я и физика, вместе и навсегда.

Невольно подумал, с толикой сожаления, – «Эх, эти бы знания, да мне прошлому, и равных мне не было бы не то что в мире, во всей вселенной».

– Итак, на прошлом занятии мы разобрали энергию связи и дефект масс. А сегодня тема урока – деление ядер урана и цепная реакция деления.

Эти слова были словно райская музыка для моих ушей, словно лечебный бальзам, а Аристарх Эдмундович повернулся к доске, ровным аккуратным почерком выписывая название темы. Вдруг, он резко и совершенно неожиданно развернулся и, ткнув пальцем в одного из учеников, буквально проорал – Смирнов, спишь – сука!

– А-а! – завопил тот, подпрыгнув вместе со стулом, а затем, потеряв сознание, стёк по нему под парту.

– Ну вот, – довольно проговорил Канаплян, – Смирнов уже на шагок ближе к большому дару. Продолжаем урок.

Быстро раскрыв тетрадь, я увлечённо начал записывать

вслед за учителем. Пожалуй, сегодняшняя тема была самой долгожданной. Ведь вопросы ядерного деления и термоядерного синтеза занимали меня уже давно.

Когда я узнал о существовании такого оружия как ядерная бомба и оценил масштаб производимых им разрушений, то два дня после этого ходил с остановившимся взглядом, пуская слюни и временами жадно, с придыханием произносив – Хочу...

Домашние даже испугались, что я опять не ту таблетку принял.

Потом, меня, конечно, отпустило, но под впечатлением я оставался ещё долго. Вот эта вот, созданная бездарями штука, по убойности была сопоставима с Армагеддоном – заклинанием высшего порядка моего мира, какое могли применять буквально единицы, да и то, лишь путём очень больших затрат. А тут этих ракет у целой дюжины стран были тысячи. Тысячи Армагеддонов, которые можно отправить на головы врагам одним нажатием кнопки...

Нет, вот это была действительно настоящая магия, та магия, которой я всеми фибрами души хотел овладеть и это, пожалуй, было моё единственное желание. А на всё остальное мне было по...

Глава 2

От школы меня забирал большой чёрный Стингер Аэро, крепкий рамный внедорожник производства автозавода «Москвич» с водителем. Усевшись на заднее сиденье, я тут же опустил подлокотник и достал из бара за ним небольшую бутылочку дорогого портвейна, двадцатилетнего «Олд Тони» прекрасного янтарного цвета, за игрой которого в бокале можно было наблюдать бесконечно.

За окном мелькала самая настоящая сибирская тайга, а до ставшего родным поместья оставалось ещё полчаса езды по единственной ведущей от школы дороге.

– Как в школе, господин? – вежливо поинтересовался сидящий за рулём крепкий мужчина лет тридцати пяти. Тоже младар, который так и не смог развить свой дар. Ему была одна дорога – в слуги рода, потому что происхождения он был самого простого, не то что я.

– Да как обычно, Вениамин, – ответил я, развалившись на сиденье с бокалом в руке, то и дело разглядывая божественный напиток на просвет, – драки, обиды, ненависть, психологические пытки и унижения слабых, надругательство над всем светлым и чистым что только есть в мире, полное оскотинивание и потеря человеческого облика. И это только до обеда.

– Эх, – мечтательно произнёс мужчина, продолжая креп-

ко сжимать баранку и смотреть вперёд, – Школа, школа... пятнадцать лет прошло, а вы сказали и прямо всколыхнулось что-то в душе, ностальгическое. Лучшие годы, что ни говори.

Покатав на языке, я проглотил порцию вина, теплом разошедшуюся по организму, убрал бутылку обратно в бар и, достав из рюкзака книжку с интригующим названием – «Занимательная физика» Джейкоба Перельмутера, с головой погрузился в увлекательный мир физических парадоксов и головоломок.

– Господин, – вырвал меня из мира грёз голос водителя, и, отложив книгу, я увидел, что мы уже заруливаем в ворота поместья. Толстенные деревянные створки плавно захлопнулись за машиной и мы медленно покатали по отсыпанному гравием подъезду мимо сада камней с парой небольших водоёмов и берёзовой рощицей, к большому трёхэтажному дому.

Дом, милый дом. Ставший таким для меня каких-то три месяца назад, когда я попал в это тело.

Он был мажором, плывущим по течению реки, этот Дрейк Рассказов, золотым мальчиком родившимся у богатых и знатных родителей, с самого детства привыкший к окружающим его слугам, богатству и роскоши. Прожигатель жизни, маменькин сыночек, в коем родная маман души не чаяла, потакая во всём. Он жил только в своё удовольствие. Ну а я... Я не стал ничего менять. Меня подобная жизнь устрои-

ла более чем.

Кем я сам был в моём прошлом мире? О, я был великим магом, героем и злодеем, тем кого воспевали в песнях и проклинали. Я создавал города из ничего, я превращал в пустыни неудобные королевства. Я казнил и миловал. Но всегда, всегда чего-то не хватало. И только здесь я понял чего – вот этого. Возможности просто ничего не делать.

Когда я был героем, мне приходили бить морду злодеи, когда я был злодеем, мне приходили бить морду герои. Теперь я не хотел чтобы мне били морду и поэтому не собирался становиться ни тем, ни другим.

Выйдя из машины и поднявшись по ступеням крыльца, я внезапно остановился и, хлопнув себя по лбу, быстро вернулся в машину, откуда забрал книгу, и уже успокоенный, с «Занимательной физикой» подмышкой, пошёл в дом.

– Сынок! – сбежав по лестнице в холле, меня обняла и поцеловала родная мать этого тела, а значит и моя, ещё не старая, красивая и подтянутая женщина – Эльвира Рассказова.

Она была голубоглазой блондинкой с шикарными струящимися как шелк волосами и мне многие говорили, что красоту я унаследовал от неё. Ну красоту не красоту, а то что я тоже голубоглазый блондин – это факт.

– Вернулся! Как раз к ужину. И отец приехал с совета рода и даже твой младший брат. Его за успехи в магии отпустили на сутки домой.

Тщательно помыв руки, я же, чистюля, прошел в столо-

вую, где увидел уже сидевших за столом: отца – Ричарда Рассказова и пятнадцатилетнего брата – Иоганна Рассказова, увлеченно о чём-то беседующих. Сев по левую руку от мужа, мать глазами показала мне на стул справа, где должен сидеть наследник и лёгким жестом позвала одного из слуг.

Под взглядами резко умолкнувших родственников, я вежливо улыбнулся и тоже сел, оказавшись аккурат между отцом и братом.

– Ты опять с книжкой? – грубовато произнёс Рассказов-старший, – сколько раз говорил, не смей за стол с этой макулатурой соваться.

– Да, да, – с постным лицом протянул я, встал, положил забытую под подмышкой физику на сервант у стены.

Что можно сказать о моём отце... сильный болдар, глава древнего дворянского рода, характер вспыльчивый, но старается себя сдерживать, женат, естественно. Мать, к слову тоже болдар. И даже мой младший на два года брательник уже болдар, причём с рождения. Предмет невероятной гордости пацана, и презрения ко всем кто слабее, в том числе ко мне, старшему брату и наследнику. Что я думал об этом? Да ничего. Кого волнует, что чем он там гордится и кого презирает? Ну уж точно не меня.

– Между прочим, – снова произнёс отец, – Иоганн выиграл школьный турнир.

– Поздравляю, – я зевнул, недовольно посмотрел в сторону кухни, откуда до сих пор не расторопные слуги не при-

несли еды.

– Мне звонил заместитель директора, сказал, что Иоганн в числе лучших учеников и гордость школы.

– Рад за него, – я покрутил в руках вилку и решил, что если не принесут через минуту, то я плюну на всё и пойду жрать прямо со сковородки. Как говорится – имидж ничто, голод всё, никто не смеет стоять между мной и мраморной говядиной, если я правильно интерпретировал идущие с кухни запахи.

– А вот по поводу тебя, – Ричард Рассказов повысил голос, влив в него толику недовольства, мне жаловались, что ты относишься к учёбе из рук вон плохо.

– Дорогой, – поспешила успокоить отца мать, накрыв его руку своей ладонью, – мальчик стал отлично учиться, у него с этого года одни пятёрки по физике, химии, биологии и алгебре с геометрией...

– Да кому они нужны, – вспыхнул глава рода, – эти твои физики с геометриями, у него ноль прогресса в даре. Наследник дворянского рода, будущий глава... и малдар. Это же позор, это невозможно, немислимо. Что скажут про род Рассказовых?

Он посмотрел на меня, гневно сверкая глазами, рывкнул, – Когда я летом говорил тебе взяться за ум, я не книжки имел ввиду! Магия, вот что важно для управления родом. А чем тебе в этом твои науки помогут? Вызовет тебя глава другого рода на поединок, ты ему цитатами из книжек своих будешь

зубы заговаривать?

Благо в этот момент мне принесли стейк рибай, медиум прожарки и я с аппетитом набросился на ароматное источающее сок мясо, ловко орудуя ножом и вилкой.

– Ты меня слушаешь вообще?! – Взревел мужчина, с грохотом опуская кулак на стол, отчего вся посуда дружно подпрыгнула.

Подхватив тарелку, чтобы, ни дай бог, ни один кусочек с неё не свалился, я покивал головой, произнёс, с наслаждением жуя стейк, – Слуфаю конефно.

– Дорогой, – снова попыталась вмешаться мать, видя как лицо мужа постепенно приобретает свекольный оттенок, – мальчик только приехал, проголодался, ты же знаешь как отвратительно кормят в школьной столовой, пусть он поест сначала.

– Нормально там кормят, – проворчал Рассказов-старший, – не в общую чай ходит.

– Ешь, ешь, – с умилением глядя на меня произнесла Эльвира.

Получив минут десять тишины и покоя, я как мог растягивал удовольствие, жмурясь каждый раз как зубы впивались в очередной сочный кусочек мраморной говядины. Пища богов, право слово.

За это время и папаня успел подостыть, перестав лицом изображать переспелый помидор, и тема как-то потеряла актуальность.

Всё-таки еда успокаивает, давно убеждаюсь в этом простом, но действенном способе. Поел вкусно и уже не охоту орать на домочадцев. Вот и папаша мой, пожевав мяса, больше не стал лечить за книжки против магии. Правда тут у него другой финт выскочил.

С остервенением вытерев губы, он бросил на стол почти изнасилованную салфетку и как бы между прочим, переглянувшись с маман, заметил, – Кстати, Дрейк, скоро к нам должны приехать твои кузины, родные сёстры-близняшки.

Ну должны и должны, меня этот момент особо не парил, у нас этой родни... просто завались, всё время кто-то приезжает. У родителей родных братьев и сестёр на двоих точно пару десятков наберётся. Род же, чем больше народу тем сильнее мы и сложнее нас подвинуть.

– И сколько им лет? – поинтересовался я, выковыривая зубочисткой самые вкусные кусочки и с наслаждением их проглатывая.

– Шестнадцать стукнуло, – скромно потупившись, произнесла мать.

Вот тут зубочистка у меня и замерла. Медленно положив её на стол, я сцепил руки в замок и с укоризной произнёс, – Что, опять?

– Девочки очень хорошие, что ты так сразу, – начала увещавать меня она, – ты их даже не видел. У обеих большой дар и предрасположенность к огню.

– Значит в прошлый раз одну кузину под меня положить

задумали, не вышло, сейчас на близняшек поймать пытаетесь? – Я нахмурился, – Между прочим, близкородственные связи ведут к вырождению.

– Кто сказал? – буркнул отец, вновь начиная злиться.

– Учебник биологии, – ответил я, – второй класс, как раз раздел где-то между пестиками и тычинками.

– Вот лучше бы ты не учебники читал, а пестиком своим в тычинки потыкал, – заметил Рассказов-старший, заставив мать покраснеть.

– Там вообще наоборот, но... В, общем, успею ещё потыкать, – ответил я, вогнав этим женщину в краску окончательно.

– Будешь только за книжками сидеть, завянет цветочек-то. – Подколол меня батя. Справа донеслось сдавленное фырканье и я неодобрительно посмотрел на захрюкавшего как сучара младшего.

Из чистого упрямства возразил, – Не завянет.

– А я говорю – завянет!

– Ричард, – наконец выпалила мать, – ну хватит уже об этом.

– Согласен, – быстро произнёс я, – хватит вообще о кузинах, тем более у нас и так в семье с этим не всё благополучно, папа. У нас и так мама твоя сестра, ещё одного такого удара генетика не выдержит.

– Во-первых двоюродная, – пробасил тот, нависнув над столом словно грозовая туча, – а во-вторых чушь вся эта твоя

генетика. Мой отец женился на своей кузине, мой дед женился на кузине, дед моего деда...

– Понял я, понял, – поднял я руки вверх, сдаваясь, – что в нашей семье уже много поколений думают совершенно не той головой.

– Щенок, ты на дедов-то не гони, они всяко поумнее тебя были, хоть никаких генетик знать не знали.

– Ричард, ну успокойся, – мать начала гладить отца по плечу, – просто у мальчика таковой возраст, бунтарский дух, неприятие авторитетов. Не надо слишком давить, девочки приедут, он с ними пообщается, привыкнет, а там уже, как говориться, сладится и слюбится.

– А ничего, что я тут сижу и всё слышу? – спросил я.

– И слушай, мотай на ус, ты, в конце-концов, будущий глава рода, – тут отец перевел взгляд на с интересом слушающего разговор Иоанна, – ну а ты, тоже от кузин-близняшек отказался бы?

– Гы-гы-гы, нет конечно!

– Гы-гы-гы, – передразнил я его, – иди дальше дрочи.

– Дрейк! – взвилась мать, – выбирай слова, ты же аристократ, а не какое-то быдло.

Пока я думал чтобы такое сказать, что бы не обидеть, братец с легкой развязностью в голосе ответил, – А у меня уже давно всё по взрослому, в этом не нуждаюсь.

– Вот это мой сын, – одобрительно закивал Рассказов-старший.

Посмотрев на напыжившегося от гордости пятнадцатилетку, довольно улыбающегося отца и смущённую, но тоже слегка гордую за младшего сына, мать, произнёс со скепсисом в голосе, – Это всё, конечно, хорошо, но про презервативы, мирамистин и хлоргексидин ему кто-нибудь рассказывал?

Посмотрев на непонимающие взгляды, вздохнул, сказал ещё, – Ну ладно беременность, одним Рассказовым больше, одним меньше, для рода особой разницы нет, но если он на конец заразу какую подхватит? Кто его потом лечить будет? Между прочим, – поднял я вверх палец, – в Медицинском альманахе за прошлый квартал даже статья была...

– Уволь нас от выслушивания этого... этого... – Рассказов-старший так и не смог подобрать нужного определения, поджав губы посмотрел на жену и спросил, – Где он вообще этот альманах какой-то нашёл?

Та только развела руками, а батя вздохнул, затем решительно поднялся, заканчивая ужин, положил широкую ладонь мне на плечо и сурово произнёс, – Пойдём, сын.

– Куда это? – воззрился я на него.

– Увидишь, – был дан мне лаконичный ответ, и поняв, что большего я не дождусь, встал вслед за ним и прихватив «Физику» Перельмутера, пошёл следом, гадая, чего он мне приготовил опять.

Пройдя весь холл, гостиную и каминный зал, мы оказались в зале для тренировок и увидев замершего на татами в

позе лотоса японца средних лет в чёрном кимоно, я тут же всё понял и тяжело вздохнул, покрепче прижав книгу к себе. Батя припёр очередного мастера боевых искусств, чтобы через обучение пробудить мой магический дар.

– Не вздыхай, – пробасил отец, – уважаемый Сирахера-ма, сильнейший мастер тайного смертельного боевого искусства которое долгое время изучал в сокрытом высоко в горах уединённом додзё. Он с помощью особых техник сможет пробудить в тебе большой дар, раз уж школа не способна это сделать.

Бла-бла-бла. Тайное додзё, смертельное искусство. Скукота. В прошлой жизни я в одиночку сражался с сильнейшими воинами и побеждал их. Даже без применения магии мне не было равных в поединке, а называли меня – Смертоносный Бог Убийца Царь Смерти. Смертоносный и смерти звучало конечно так себе, но народу нравилось.

В общем, стоило только этому японцу подняться и встать в стойку, как я неспеша лёг на татами, всё также с книжкой в руках и скучным голосом произнёс, – Я устал.

– Дорогой, и правда, – показала из-за плеча отца мать, – мальчик только со школы, а ты его на тренировку, тем более после еды.

– Тьфу, – в сердцах сплюнул Рассказов-старший и махнув рукой, круто развернулся, стремительно покидая помещение.

Напоследок, окинув меня нежным взглядом, Эльвира Рас-

сказова поспешила за ним, а братец мой и вовсе тут не появлялся, поэтому остались мы вдвоём, я, да замерший в стойке японец, похоже совсем не вкуривающий, что тут происходит.

– Расслабься, узкоглазый, – лениво посоветовал я ему. Посмотрел на лупающего на меня глазами в непонятках мастера боевых искусств, похлопал по татами возле себя, – присаживайся, говорю, в ногах правды нет. Или ты по-русски не понимаешь?

Посетовал, – Понаберут японцев всяких, а мне потом му-чайся.

– Вообще-то я бурят, – произнёс вдруг тайный мастер на чистом русском, садясь рядом.

А вот это было уже что-то новенькое и я, поиграв бровями, поинтересовался, – А высокогорное додзе как же?

– Придумал, – со вздохом ответил тот.

– И зачем? – я повернул голову, с любопытством разглядывая самого что ни на есть самозванца, не побоявшегося обмануть даже главу влиятельного дворянского рода.

– Заработать хотел. – Тот посмотрел на меня, а затем сбивчиво принялся говорить, – ты не подумай, у меня и мысли не было обманывать аристократов, особенно твоего отца, я придумал всю историю, чтобы открыть школу боевых искусств. Просто бизнес, ничего такого. Вообще я по образованию учитель физкультуры, а всякие там стойки и крики в кино подсмотрел. С работой труба вот и решил, – он развел руками. – Всякие грамоты и дипломы подделал, друг помог,

шарит в этом, и искал зал в аренду, для занятий, а кто-то, видать, твоему доложил и он меня сюда. Отказывать аристократу сам понимаешь, а признаться страшно, ещё шархнет магией в гневе. Вот я тут и оказался.

– Забавно, – хмыкнул я, для удобства поворачиваясь на бок и подпирая рукой голову, – а мне признаться, значит, не страшно?

– Ты другой, – доверительно сообщил мне поддельный мастер. – Я сразу понял, что тебе это боевое искусство нафиг не нужно. Слушай, – встрепенулся он, – а может заключим взаимовыгодное сотрудничество?

– Это какое?

– Я же вижу, что с тебя отец просто так не слезет, а мне край деньги нужны, давай я буду рассказывать, что усиленно тебя тренирую, успехи там расписывать всякие буду, а ты сможешь не напрягаться, и заниматься своими делами. А? – он с надеждой посмотрел мне в глаза.

– А ты хитрец, – рассмеялся я, – и мне помочь и себя не забыть. Ладно, принимается предложение. Кстати, зовут-то тебя по настоящему как?

– Степан, – с новым вздохом ответил японский бурят и я вновь хохотнул:

– Придумал же имечко – Сирахерама.

Глава 3

Я стоял у окна в коридоре и, задумчиво глядя на простиравшийся за окном хвойный лес, ложкой по чуть чуть зачерпывал пломбир из стеклянной вазочки, растягивая удовольствие.

Большая перемена ещё не закончилась, мимо постоянно кто-то проносился, стояли шум и гам, но я умел отстраняться от всего постороннего, всецело погружившись в угрюмую красоту природы там, за стеклом.

Вывело меня из этого состояния лёгкое покашливание за спиной и раздавшийся следом звонкий мальчишеский голос, – Сударь, позвольте попросить вас чуть-чуть пододвинуться.

Обернувшись, я увидел школьника лет пятнадцати, застывшего с доброжелательной улыбкой за моей спиной, на воротнике которого тоже блестел значок аристократа. Пожал плечами, собственно, а почему бы и нет, парень был вежлив, а мне было не принципиально.

– Конечно, сударь, никаких проблем.

Я сместился на шаг в сторону, развернувшись и опёршись задницей о край подоконника, а третьеклассник, кивнул, – Благодарю, – затем шустро распахнул две крайние оконные створки и крикнул в класс, дверь которого была напротив, – Выносите!

Тут же в дверях показалось четверо крепких подростков, державшие за ноги и руки пятого, отчаянно брыкавшегося и пытавшегося высвободиться.

– Давай, давай, тащи, – подбадривал их аристократ возле окна и я решил поинтересоваться, что они хотят предпринять.

– Сударь, – произнёс я, зачерпывая новую ложечку мороженого, – не будете ли вы столь любезны просветить относительно ваших планов с этим субъектом? – я ткнул ложечкой в сторону отчаянно дрыгавшегося пацана.

– Конечно, сударь, – вновь улыбнулся тот, – этот субъект, как вы изволили выразиться, нанёс грубое оскорбление мне и моим глубокоуважаемым товарищам, чем вызвал благородный гнев и неодолимое желание его покарать. Благородным собранием было решено вышвырнуть наглеца из нашего общества, чем мы и планируем немедленно заняться.

Я посмотрел из окна вниз, на зеленевшую далеко внизу травку, вздохнул и как бы невзначай заметил, – Третий этаж...

– О да, – кивнул третьекласник, – у него будет время подумать о своём поведении, пока будет лететь.

– И всё-таки, – произнёс я вновь, – всецело поддерживая ваше желание справедливо наказать наглеца за дерзость, не могу не заметить, что при массе в шестьдесят килограмм, сброшенное с высоты семи метров тело, долетев до земли, будет иметь скорость около двенадцати метров в секунду и

при соударении выделит не менее четырех килоджоулей кинетической энергии. А это, уважаемый сударь, весьма вероятно труп, особенно если в грунт он воткнётся головой. А вам-ли не знать, как крайне негативно администрация школы относится к жмурам.

– Экая досада, – задумался парень, жестом руки останавливая готовых уже начать раскачивать тело подельников. Испытующе взглянув на меня, спросил, – И что вы посоветуете?

– Выкидывайте с первого, – произнёс я, со вздохом выскребая последние сладкие потёки мороженого, – там пол килоджоуля, и вам приятно и ему не смертельно.

– Благодарю, сударь, – третьекласник расплылся в довольной улыбке, махнул своим, – Тащите его на первый.

Проводив их взглядом, я подумал, – «Физика рулит», после чего, оставив вазочку на подоконнике, пошел на очередной урок.

В классе ожидаемо наткнулся на сиявшего новым фингалом Иванова, что-то угрюмо втиравшего ещё двум нашим одноклассникам. Звонок уже прозвенел, но учитель задерживался, и наш герой-простолюдин проводил очередную агитационную беседу. Полюбовавшись на сочный бланш, хмыкнул, и обошел по дуге, проходя к своему месту.

– Чего лыбишься!?! – немедленно взвился тот, – это всё твои дружки аристократики, наслали своих цепных псов, сами-то боятся ручки запачкать.

– Конечно бояться, – ответил я, – не прогуливал бы биологию, то знал бы, что даже в обычной пыли содержится до ста пятидесяти видов пылевых клещей, стрептококки, стафилококки, которые являются возбудителями таких болезней как пневмония, бронхит, менингит, фарингит, абсцесс и даже сепсис.

– Тьфу, – сплюнул опять на пол Иванов, собираясь ещё что-то сказать, но холодный, нет, даже ледяной голос за спиной, нарочито медленно произнёс, – Такаюки Иванов, соблаговолите объяснить, почему вы плюёте в классе?

Встав вместе с остальными, я с вниманием посмотрел на одетого в строгий чёрный костюм нашего двухметрового учителя пения – Василия Прокопьевича Смородянку, сжимавшего в руках шестиструнную гитару. На мой взгляд, ему больше была под его шкафообразную статью двуручная секира, смотрелась бы куда органичнее, но и с гитарой он тоже производил впечатление.

Молниеносный взмах и корпус гитары разлетается об голову пытавшегося что-то вякнуть в своё оправдание Иванова. Вспыхнув гневом, Василий Прокопьевич откинул в сторону гриф с остатками висящей на струнах деки в угол, посмотрел поджав губы на класс, произнёс, – Позволить себе плевать на пол на уроке музыки может только самый отъявленный негодяй этой музыки недостойный.

С легким презрением толкнув ногой потерявшего сознание парня, он кликнул двух парней с ближайших парт, ска-

зал, – До конца занятия, с урока я его удаляю. – Затем чуть смягчился, добавил, – в лазарет унесите, только быстро, – нашёл меня взглядом, – Рассказов, проследи. Ну а мы, – повернулся он к остальным, – тогда сегодня поиграем на баяне.

Понятливо кивнув, я возглавил процессию по вынесению тела в коридор, а затем на первый этаж в лазарет, где властвовала бессменная школьная медсестра Элеонора Павловна, требовавшая, чтобы все ученики звали её Элен.

Зачем меня припрягли? Ну всё просто, чтобы два горе носильщика не огребли по дороге, не донесут ведь, заодно и сами где-нибудь прилягут. Вот поэтому я и шёл впереди них, заведя руки за спину, гордо выпятив грудь и насвистывая весёлый мотивчик. Получалась вполне стандартная картина, аристократ ведёт своих подручных несущих неуютное тело.

На встречу нам попалась ещё одна точно такая же компания и мы с незнакомым аристо постарше обменялись понимающими взглядами. Правда его клиент пытался шуметь и активно вырывался, в то время как мои несли бесчувственное тело спокойно, что не укрылось от взгляда благородного малдара и он, скривившись, буркнул своим, – Я же говорил, вырубать надо было.

В остальном в коридорах было почти спокойно, дошли мы без происшествий и, остановившись метров за десять до медпункта, я облокотился о стену и кивком головы показал на дверь парням, – Заносите.

Те разом замялись, а потом один из них, которого я обо-

значил как «первый», потому что не утруждал себя запоминанием имён одноклассников, неуверенно произнёс, – А может просто у двери его положим, постучим и убежим?

Второй тут же мелко-мелко закивал, его тоже не прельщала встреча с нашей незабвенной Элен.

Они дружно посмотрели на меня, на что я только пожал плечами, это уже было их дело, каким способом передать клиента родной медицине, махнул рукой, мол – валяйте.

Вот только, стоило им подойти к простой белой двери, как та, они даже не успели положить тело Иванова на пол, распахнулась и на пороге застыла монументальная, центнер с гаком, едва вписываясь в дверной проём, фигура медсестры.

«Чует она, что ли», – подумал в тот момент я, в который раз поразившись её способностям загодя улавливать приближение потенциальных жертв, а сам, невольно вновь пробежался глазами, по коротенькому белому халатику буквально трещащему по швам, в потугах удержать обильные тела шоколадного цвета в рамках приличия.

Каким макарон в центр Сибири занесло самую натуральную негритянку, да ещё прозывавшуюся Элеонорой Павловной, я не знал, но точно понимал, что лучше куда угодно но только не сюда, поэтому благоразумно держал дистанцию.

Огромные сиськи уравнивала здоровенная же корма, грозя при повороте снести всё на своём пути, а руки толщиной с мои ноги были готовы заграбастать любого мужика в радиусе охвата. Очень уж ей не хватало мужского внимания.

Но если бы только это, и на такую «красотку», нашлись бы любители, вот только дама совсем не знала слова «хватит». Выебет и высушит – это было про неё. Временами раздававшиеся из-за её двери дикие крики, плачь и мольбы, перемежались лишь её громким довольным гоготом и длиться это могло часами.

Правда, справедливости ради, лечить она тоже умела и даже магически, как раз через это самое. Но даже в таком разрезе, добровольно пошедших к ней на лечение можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Вот и сейчас она железной хваткой уцепилась за парней и мило проворковала, – Мальчики, вы ко мне? Заболели?

Мальчики дружно замотали головами, разом струхнув. У второго и вовсе ослабли руки, отчего ноги Иванова с стуком ударились об пол.

– А, вы принесли больного? – заглянула та за спину первому. – Ну заходите, – улыбка медсестры стала акульей, – заодно и вам профилактику болезней проведу.

Мои одноклассники дружно побледнели и покрылись потом, пришлось вмешаться мне, – Госпожа Элен, – вежливо начал я, зорко следя, чтобы дистанция между нами не сокращалась, – У нас сейчас урок пения, под руководством Василия Прокопьевича и он будет очень недоволен, если мы не вернёмся хотя бы к середине занятия.

Круглое личико афророссиянки разом погрустнело, она вздохнула, обведя парней взглядом запойного алкоголика

купившего чекушку и тут же её разбившего, затем с некоторой надеждой снова посмотрела на меня, – Ну хоть немножечко.

– Ладно, – посмотрел я со вздохом на часы, – десять минут, не больше.

– А сам? – чуть воспрянув произнесла медсестра, – полечиться?

– Спасибо, я полностью здоров, – отверг я «заманчивое» предложение, не горя желанием испытать себя на прочность под дико скачущим центнером с гаком.

Проводив взглядом исчезнувших в кабинете одноклассников, засекаю десять минут и постарался отключиться от звуков, доносящихся из-за двери. Судя по всему, Элеонора Павловна принуждала тех к трюничку, намереваясь по максимуму использовать выделенное время. Я так и представил бутерброд из котлетки по-киевски с прижатыми с двух сторон к ней маленькими беленькими крекерами.

Через десять минут оба парня по стеночке выбрались в коридор, обессилено рухнули на колени и второго, как более впечатлительного, тут же стошнило. Посмотрев на их бледные лица и полуобморочное состояние, впрочем, не мешавшее им целенаправленно отползать всё дальше и дальше, покачал головой и, подстроив свой шаг под их неуклюжее передвижение на четвереньках, медленно пошел обратно.

Когда мне снова навстречу попался тот же аристократ, то, увидев бледных, но упрямо ползущих по полу школьни-

ков, возле неторопливо прогуливающегося меня, то тут же, округлив глаза, поднял большой палец, а затем треснул по затылку одного из прихлебателей рядом, – Видишь, – рявкнул он тыкая пальцем в нашу сторону, – вот это я понимаю, унижения, а у вас ни фантазии, ни воображения, только и можете, что в унитазах топить – учитесь.

Пожав плечами, я пошел дальше, объяснять что-то или кого-то разубеждать я ни в чём не собирался.

Иванова, кстати, до конца дня больше никто не видел. Мысленно перекрестив покойного, а живым после четырёх часов проведенных с медсестрой, по моему личному мнению, выйти было не дано никому, я выкинул его из головы и рьяно взялся за идущую следом алгебру, где как раз начали проходить что такое интеграл.

А после занятий меня опять нашла Казиминова. Подкараулила, блин, в туалете. Ненароком я пожурил себя за предсказуемость, если уж даже такая не слишком умная девчонка способна вычислить где я буду находиться.

Стряхнув с ладоней последние капли, я развернулся к ней, нагло перегородившей проход и уперевшей руки в бока, произнёс, вытирая бумажными полотенчиками руки, – Женский туалет дальше по коридору, Вероника, ты ошиблась дверью.

– Нет, Дрейк, – произнесла та решительно, – я не ошиблась.

– Ну ладно, – философски пожал плечами, – кто я такой, чтобы осуждать. – Попытался обойти девушку, но внезапно

был остановлен. Хмыкнув, перевел взгляд вниз, туда, где девичья ладошка легла прямо на дремлющий в штанах писюн.

– Дрейк, – прошептала Вероника, заглянув мне в глаза, – мы можем договориться по другому. – Она начала слегка поглаживать мою промежность. Беспольное занятие, я с лёгкостью контролировал своё либидо, не давая орлу покинуть гнезда. Какой бы я был великий маг, если бы не умел управлять любой энергией своего тела.

– Я же говорил, мне не интересно, – произнёс я.

– Но может, я смогу пробудить твой интерес чем-нибудь другим? – чуть приподняла девушка левую бровь.

– Это ещё чем?

– Я могу подарить тебе такой секс, что ты просто забудешь обо всём на свете.

«И эта туда же, – с неудовольствием подумал я, – ещё одна озабоченная».

Я имел десятки жён. Я имел сотни наложниц. За те долгие столетия, что прожил, я переспал с тысячами женщин, перепробовал все виды наслаждения, от самых невинных, до самых извращённых. Не было такой позы какую бы я не использовал сотню раз, не было такого отверстия в которое я бы не засунул... гм... гм... сотню раз. Я трахал всё что шевелится, а что не шевелится, расшевеливал и снова трахал. Я брал всё больше, от жадности и похоти.

Но в какой-то момент это превратилось в порочный круг, чем больше женщин я имел, тем меньше удовольствия полу-

чал. Когда тебе нужно трахать по три женщины в день, каждый день, весь год, без передыху, только потому, что иначе какой-то бедняжке не достанется хотя бы раз в год внимания господина, то это уже не удовольствие, это работа, нудная, рутинная и не интересная. Я просто затрахался трахаться.

И вот, наконец, я избавился от них всех, и могу просто жить в своё удовольствие в этом мире и в этом теле, без необходимости удовлетворять чьи-то сексуальные желания и на тебе. Так и норвят запрыгнуть на член, только успевай отбиваться.

– Ну так что, Дрейк, – её голос опустился до интимной хрипотцы, – я бы могла прямо здесь выдать тебе маленький аванс. Тебе когда-нибудь делали минет?

Последнее слово она шептала так, как будто предлагала не обычный оральный секс, а как-минимум полёт в космос. Вот кстати, надо как-нибудь слетать. Ни разу в невесомости не был.

– Фу, – скривился я, – пихать член в чей-то рот, но там же зубы!

– Я не кусаюсь, – открыто улыбнулась она.

– Это ты сейчас так говоришь, а потом как откусишь, вон какие зубы отрастила. И вообще, – я поджал губы, – я не совершеннолетний ещё, мне такое предлагать.

– Тебе восемнадцать через год! – со злостью в голосе воскликнула Вероника.

– Вот через год и приходи, – гордо вскинув подбородок,

ответил я, и протиснувшись мимо нее, вышел из туалета, оставив яростно шипеть и сыпать проклятиями мне в спину.

И снова за воротами меня ждал чёрный Стингер Аэро и предупредительно открывший передо мной дверь Вениамин. Кивнув ему, я остановился, задержавшись у двери, посмотрел на серое здание школы, проводил взглядом набивавшихся в школьные автобусы простолюдинов. Школа, школа, как же много идиотов учатся в твоих стенах, не понимающих, что сила не в мускулах, сила не магии, сила в знаниях и только в них.

Отвернувшись, сел в автомобиль и привычно раскрыл «Занимательную физику».

* * *

Директором школы «Последний Путь» был широко известный в узких кругах – Зонов Григорий Борисович. Сам – потомственный учитель высшей категории, прошедший суровую школу жизни, он как никто знал о унижении и том эффекте, что оно оказывает на учебный процесс.

Посматривая из окна на суетящихся возле автобусов школьников, он передвинул тлеющую сигарету из одного уголка губ в другой, покосился на сидевшего в кресле за ма по учебной работе, тоже педагога с двадцатилетним стажем – Уколова Степана Абрамовича, сказал, неприятным голосом, – Плохо, Степан Абрамыч, плохо. Мне уже жалуют-

ся на недостаточный уровень унижения какой даёт школа, и это тогда, когда мы боремся за звание самого унижительного учреждения среднего магического образования.

– Школьники какие-то малахольные пошли, – цыкнул Уколов в ответ, – мы такими не были. В наше время работал чёткий принцип: унизили старшие, пойди и унизь младших. Осуществлялась нормальная преемственность, опыт, можно сказать, передавался из рук в руки. А теперь многие аристократы даже не считают нужным сколачивать вокруг себя банды. Исчезла здоровая конкуренция. Кое как ещё регулируем в плановом режиме, на уровне учителей, но без самоорганизации долго не продержимся.

– И что ты предлагаешь? – посмотрел на зама Григорий Борисович.

– Нужно что-то, что заставит их сбиваться в банды и взбодрит аристократов.

– И что именно?

– Бунт низов, – ощерился Степан Абрамыч, – банда простолоудинов со средних курсов, которая посягнёт на аристократскую неприкосновенность. И вот тогда-то всё и завертится.

– Заманчиво, заманчиво, – глубокомысленно покивал Зонов, затем добавил, – действуйте, коллега.

Глава 4

– Слушай, ты же бездарь? – я, лежа на полу спортзала в поместье, удобно устроив голову на свёрнутом валиком коврикe для йоги, покосился на лежащего на другом коврикe Сирахераму, – скажи, а в школах для бездарей тоже такая ерунда происходит?

– Какая? – бурят, вытянувшись и закинув ногу на ногу, прикрыл глаза в лёгкой дрёме.

На второе наше занятие он припёр портативную колонку, с записанными звуками каких-то ударов, пыхтения, неразборчивых выкриков и прочих обязательных атрибутов рукопашного боя и мы, включив её так, чтобы было слышно через дверь и закрыв ту на ключ, могли спокойно отдыхать и заниматься своими делами.

Первые полчаса я читал книжку по астрономии, а мастер таинственного боевого искусства «Найбу-до» залипал в телефон. Потом, закончив с разминкой, мы решили перейти к медитативным практикам и сменили позицию на горизонтальную, получившую от меня поэтичное название – спящий тигр, дрыхнувший дракон.

– Ну, – почесал я переносицу, – вечные драки, гнобления, окунания головой в туалет, моральные издевательства, нанесения лёгких телесных повреждений и тому подобное.

– Не, – хмыкнул Серахерама, – эта дичь только у вас. У нас

за драку или издевательства могут сразу исключить. Вообще, вашими школами для малдаров у нас школьников пугают и многие малдар жалеют. Даже реабилитационные центры по социализации есть для таких, кто потом пытается в обычное общество влиться, а не клановыми или родовыми слугами пойти.

– И такие есть? – удивился я. – Думал, малдары все при кланах остаются.

– Есть, – подтвердил бурят, – не знаю как много, но бывают.

– И что они делают? – с любопытством уточнил я.

– Живут, работают, как любые другие граждане.

– И что, прямо везде-везде им разрешают работать? – не выдержав, я приподнялся на локте, больно интересной была информация.

– Ну да, – Сирахерама чуть кивнул, – могут точно так же получить высшее образование и по специальности пойти.

– Блин, – выдохнул я, на миг представив себя учёным-физиком где-нибудь в Дубне или Церне, – круто. Я бы хотел.

– Не, извини, ты же наследник, к тому же, явно болдаром станешь, а болдарам работать запаadlo, остальные не поймут.

– Тьфу, – в сердцах плюнул я, – вечно это наследничество мне боком вылезит.

– Терпи, – усмехнулся парень, – к тому же, плюсов всё-равно больше. Будешь богатым, с кучей слуг, и может даже жён, у вас, насколько знаю, такое разрешено. Живи не тужи.

– Ну да, ну да, – скептически произнёс я, вновь падая головой на мягкий валик, – вот только клановые войны никто не отменял и дуэли и, иногда, всяких наёмных убийц.

– Хм, – задумчиво произнёс бурят, – у нас особо о таком не говорят, вообще, всё что у вас в кланах творится, достаточно закрытая тема, мало что наружу просачивается.

– Это понятно, своё грязное бельё никто на всеобщее обозрение тащить не будет, – сказал я.

Тут не громко прозвенел будильник и Сирахерама, потянувшись и широко зевнув, произнёс, – Всё, медитацию закончили, переходим к финальному спаррингу.

Достав рукой до колонки, переключил трек и сделал погромче. Затем снова лег и попросил, – Я минут пятнадцать ещё подремлю, а потом водой оболёмся, чтобы выглядело, что от пота промокли и не забудь изображать, что устал.

– Не учи учёного, – лениво ответил я, поварачиваясь на бок и тоже закрывая глаза.

Пятнадцать минут спарринга были идеальным завершением тренировки. Определённо мне это новое боевое искусство нравилось всё больше.

* * *

На выходных я, как обычно, планировал заняться серией физических опытов с прототипом винтовки гаусса, которую я мастерил у себя в подвале поместья, отвоевав одно из пу-

ствующих помещений.

Когда я его нашел, то сразу оценил и звукоизоляцию и крепкие каменные стены и даже массивную железную дверь гарантирующую, что без спросу сюда никто не попадет. Все-го-то делов было, что выкинуть пару ненужных скелетов и отмыть бурые пятна. Правда я долго ругался на неумех умудрившихся заляпать кровью даже потолок. В бытность мою верховным магом, подобных кое-какеров близко бы не подпустили к проведению пыток.

Цепь свисающую с потолка я оставил, повесил кресло и теперь любил временами в нём покачиваться, наблюдая за тем или иным физическим процессом.

Но не судьба. Поймав меня прямо с утра, отец объявил, что я еду на аристократскую сходку, где также будут присутствовать и другие отпрыски благородных родов примерно моего возраста.

– Раз уж ты так категорически против своих кузин, – хмуро произнёс он, – так и быть, можешь присмотреть себе будущую жену там.

– Ну спасибо, – кисло пробормотал я, понимая, что винтовка гаусса пролетает.

– Ты и так пропустил уже несколько благородных собраний, – пробасил старший Рассказов, – это проявление неуважения к другим, а тебе потом с ними строить союзы и коалиции, когда они станут главами своих родов. Не заводи раньше времени врагов, сынок.

Посмотрев на его ладонь, которую он положил мне на плечо, видимо, для большего веса своим словам, закатил глаза к потолку, но говорить ничего не стал. Враги... Да у меня такие враги были, которые вам и не снились. После того как я совратил суккубу – жену демона-принца, на меня весь демонический план ополчился, и ничего, живой. Ну, по крайней мере в этом мире живой.

– Ладно, отец. Поеду, отец. – Решил проявить я покладистость, отчего тот сразу подобрел и совсем другим голосом произнёс:

– Растёшь, сын, начинаешь понимать, что жизнь наследника это не только развлечения, но и обязанности. Когда ты это поймёшь окончательно, из тебя получится отличный глава клана.

Обязанности... Я вновь едва удержался от долгого саркастического вздоха. Да у меня целая империя была, когда я императора, того-этого, подсел, в общем. И ничего, рулил лет двадцать, пока меня окончательно не объявили Империей Тьмы и дружно не завалили корольки-завистники окрестных царств-государств.

Ну и что, что я тогда некромантией баловался и половина населения у меня зомбями ходило. Это был эксперимент, в научных целях. Просто увлёкся чутка. Пришлось инсценировать собственную смерть и перебираться на другой континент. Отсиделся там шаманом племени Тумба-юмба, пока всё не поутихло, а скинувшие меня корольки не передра-

лись деля доставшееся после меня наследство и не поубивали друг друга. Потом снова вернулся, запил религию с Богом-Императором и себя же им и назначил. Взрастил орду фанатиков и потихоньку прибрал земли обратно. Только на этот раз поступил умнее, быстренько возрождённую империю назвал Светлой, а все окружающие королевства – Тёмными.

Вот так, во славу Бога-Императора, всех постепенно и крошили на фарш и континент стал полностью мой. Империя была ух, от океана до океана. Только, ещё лет через пятьдесят вновь пришлось смерть инсценировать и сбегать. Правда моё чучело, завистниками прозываемое – «трупом на троне», всё-равно там сидеть осталось – бог же, но это уже совсем другая история.

Пришлось идти переодеваться в цивильные шмотки. Впрочем, современный деловой костюм мне нравился, красиво, элегантно, особенно благородного чёрно-серебристого оттенка.

– Какой ты у меня уже взрослый, – всплеснула руками маман, обняла напоследок, а затем, снова сев в машину к Вениамину, я поехал скучать в обществе аристо не знающих даже, что такое генератор когерентного излучения.

Сходка происходила на верхушке небоскрёба принадлежащего роду Стуковых, сдающих помещения башни под бизнес-центр. Считалось что здесь полностью безопасно, потому что родам нужно было место где можно встретиться и

разрулить какие-то проблемы без опасений быть убитым и таким местом, общим голосованием был выбрано именно здесь.

Выйдя из машины у входа, я, под вспышки фотоаппаратов, прошел по красной ковровой дорожке, коротко кивнул малдару-распорядителю на входе, затем прошел мимо охраны, в которой определил несколько болдар-простолюдинов, и, зайдя в лифт, ткнул нужный этаж.

– Дрейк! – перед самым закрытием дверей лифта в них заскочила моя старая знакомая Вероника и победно уставилась, стоило дверям сомкнуться за моей спиной, а лифту поехать.

– И? – произнёс я, глядя на девушку в платье с декольте которое почти не скрывало грудь.

Правда грудь там была одно название, что не мешало ей выпячивать эти два прыщика так гордо, будто там пятый размер.

– Вот ты и попался! – заявила она с азартом.

– С чего это вдруг? – поинтересовался я, со скукой ожидая, когда же она, наконец, отвянет.

Тут она ткнула пальчиком в кнопку остановки и лифт, дёрнувшись, замер. Отчего её улыбка стала ещё шире.

– Тут камеры, – заметил я.

– Это ненадолго, – ответила девушка, подойдя к углу лифта, подпрыгнула и ловко ткнула пальчиком, с которого сорвалась электрическая искра, в зрачок системы видеонаблю-

дения. Внутри что-то щёлкнуло и красненький огонёк сигнализирующий о работе потух.

– Вот и всё, – хлопнув пару раз ладонями друг об друга, она подошла ко мне и бесцеремонно схватила за промежность, – теперь нам никто не помешает.

– Не помешает в чём?

– В этом, – Вероника присела, пытаясь расстегнуть мне ширинку, но в этот момент лифт дёрнулся и чей-то недовольный голос пробубнил:

– Уважаемые гости бизнес-центра, просьба не портить имущество и не вмешиваться в работу лифтов.

– Вот суки, – чертыхнулась девушка, отстав от ширинки и выпрямившись с недовольным выражением на лице.

– Не судьба, – развёл я руками, и, как только двери раскрылись, обошел злобно пыхтящую Казимирову, появляясь в большом, на весь этаж, зале.

Народу было уже прилично и Вероника, фыркнув и обиженно вздёрнув подбородок, продефилировала мимо меня куда-то в толпу, на ходу взмахивая в приветствии ладошкой и бросая по сторонам чмоки. Ну хоть не стала таскаться как привязанная за мной, а то вечер был бы совсем не выносим.

– Мон шер ами, – распахнув руки ко мне с доброй улыбкой пошел... тут пришлось слегка порыться в памяти тела – старший сын главы рода Курдашовых. Звали его Готлиб и был он тем ещё говнюком, тоже, кстати, малдаром. На год старше меня, он обучался в другой школе, поэтому в миру

мы практически не пересекались, но знать друг-друга знали. Вернее его знал бывший хозяин тела, любезно теперь, со мною своими знаниями делившийся.

– Мари, посмотри кто к нам пожаловал, – Готлиб по пути ко мне зацепил ещё одну девицу, в которой я распознал шестнадцатилетнюю дочь кого-то из вторичной ветви рода Стуковых, так сказать, принимающей стороны.

– Шер Дрейк, – заулыбалась та, – мерси бьен что смогли выбраться к нам.

– Сильвупле, блять... – ругнулся я втихую, затем заулыбался в ответ, – Шери Мари, меня отвлекали дела.

Взяв меня под обе руки, они потащили меня по залу непременно желая показать всем, что Дрейк Рассказов вернулся. Как-то я упустил этот момент в его памяти, что он был завсегдатаем подобных вечеринок, и теперь пришлось делать вид, что я рад всех видеть и вообще. На будущее сделал зарубку в памяти, хорошенько перерыть старые воспоминания на предмет ещё каких-нибудь подводных камней.

– Кстати, – прошептала мне на ухо девушка, – Сюзанна тоже здесь.

Я было привычно отмахнулся, какая ещё к чёрту Сюзанна, как внезапно понял какая и ругнулся про себя повторно. Глупо же считать, что у семнадцатилетнего половозрелого парня ни разу не было сексуального контакта. Правда, в основном там были воспоминания различных служанок рода, которых, как я сейчас понимал, ему ловко подкладывали,

мать или отец, это не особо важно. Но мелкий засранец, а с позиции прожитых мною почти тысячи лет, он только таким и был, успел наследить и в высшем обществе.

Короче говоря, Сюзанну эту гражданин Рассказов влюбил в себя, а затем грязно ей воспользовался. Когда дело всплыло, в ответ на предъявленные претензии во всеуслышание объявил, что он Сюзанну и пальцем не трогал, это всё поклёп и лишил девицу невинности кто-то другой. Типичная позиция мамкиного аристократа.

Свидетелей соращения не было, поэтому дело замяли, это тело вышло сухим из воды, а опороченная дважды девица почти на год из тусовки исчезла и вот теперь объявилась вновь. Я конечно не осуждал, кто я такой, чтобы это делать, но то, что всё это могло повредить моему спокойному занятию наукой, начинало потихоньку раздражать.

– Ну здесь и здесь, – буркнул я, досадуя, что дал слаби-ну и поддался на отцовские уговоры поехать сюда, сидел бы сейчас, перематывал катушки по новому расчёту, интересно было попробовать многокатушечную схему, – год прошёл, поди забыла уже.

– Сюзанна? – Мари произнесла с сомнением, – она была очень зла на тебя.

– Да ладно вам, не будет она тут ничего устраивать, – вмешался Готлиб.

Мы продефилировали между столов с закусками, я даже урвал чего-то непонятного на вид и вкус, но, судя по всему,

безумно дорогого, иного тут не подавали. Перехватил бокал с шампанью, глотнул, стойчески вытерпел отменную кислятину.

Мари продолжала что-то щебетать, Готлиб, периодически, вставляя полупрошепотом скабрёзные замечания, вгоняя девушку в краску.

Пока, наконец, за нашими спинами не прозвучал ледяной, и в то же время весьма мелодичный голос, – Вот и ты, Дрейк.

Медленно обернувшись, я увидел стоявшую напротив, высокую темноволосую девушку в облегающем бирюзовом платье, с режущим словно бритва взглядом.

Сюзанна.

Тусовка вокруг нас мгновенно замерла, расступившись, образовав круг, в котором остались только мы вдвоём.

Местному народу явно не хватало зрелищ, вот только мне было совершенно плевать на их хотелки. Впрочем, следовало как-то сработать на перспективу, чтобы от меня отстали. По глазам девушки я видел, что она жаждет сатисфакции и что-то, произошедшее с ней за этот год, вселяло в неё уверенность, что она её получит. А меня... меня совершенно не устраивало тратить время и силы на бесполезную возню в песочнице.

– Я давно ждала этой встречи, – едко, сощутив глаза, произнесла Сюзанна, – поверь, я долго готовилась. И теперь я выбью у тебя правду, чего бы мне это не стоило.

Посмотрев ещё раз на ёмкость с шампанским в своей ру-

ке, я решительно подошел к напрягшейся Сюзанне, вспомнил, что фамилия у неё Крылова, а род связан с добычей каких-то полезных ископаемых, затем всучил недопитый бокал, – Держи.

Машинально она его приняла, всё ещё не понимая моих действий.

Отойдя на шаг, вздохнул и громко сказал, – Да, это был я.

Все тут же зашептались, глядя на нас, а девушка, вспыхнув, плеснула мне в лицо шампанским, чуть помедлила, решая, швырнуть вдогонку бокал или нет, затем резко развернулась на каблуках и умчалась в сторону лифтов.

Глядя ей в след, неторопливо достал из кармана платок, аккуратно обтёр лицо.

– Ну ты рисковый, – произнёс Готлиб, с просквозившим в голосе уважением, – вот так прямо в лицо сказать, – да это я тебя трахнул.

– Он такого не говорил! – попыталась урезонить того Мари.

– Какая разница, – пожал парень плечами, – подумали все-то именно так.

Скептически взглянув на обоих, спросил, – А она, разве, не это хотела услышать? – Увидел как они дружно помотали и вздохнул снова. Всё-таки женщины какие-то неправильные существа. Сама хотела правды, я её и озвучил, а теперь, получается, она обиделась снова. И это начинает напрягать, а напряги я не люблю. Напряги мешают заниматься любимым

делом.

– Так, я скоро вернусь, – бросив всё, поспешил вслед за Сюзанной.

Нашел я девушку, пройдя череду помещений, сидящей на диванчике и остервенело смахивающей платочком с глаз набигающие слёзы.

– Ты?! – буквально вызверилась она, увидев застывшим в проёме двери.

– Я сказал что ты хотела, – произнёс я, – даже выбивать не пришлось.

– Вот именно, – сжала она острые кулачки, – а я хотела эти слова вырвать из твоего горла, силой. Избить до полусмерти, в кровь, измочалить твоё холёное наглое личико, выбить зубы, чтобы ты мог только шепелявить, а я бы каждый раз требовала повторить, потому что неразборчиво, и была бы вновь.

– Вот значит, – произнёс я, почесав затылок, – какой был план. Ну извини, помочь не могу, мне моё, как ты выразилась, холёное лицо больше нравится таким как есть.

– И всё-таки, – произнесла вдруг она, поднимаясь с диванчика, – своё я возьму. Я уже не та дурочка с малым даром, которую ты знал, у меня теперь большой.

Я бы, конечно, скаламбурил, насчёт большого, но ситуация для шуток была неподходящая. А девушка вдруг выпустила из рук две струи воды, которые начали словно змеи кружить вокруг неё. Магиня-водница, хм...

– Ну вот и всё, Дрейк, – она сделала пасс руками, отчего струй расширились на метр, – теперь тебе конец.

– Конец тебе, дура, – с беспокойством глядя как она хлещет электропроводящей средой в опасной близости от стоявшего возле дивана включенного торшера, предупредил я, – если воду не уберёшь.

Нет, если там у нее полный дистиллят, то ещё куда ни шло, но я как-то сомневался, что она про дистиллят вообще слышала.

– Смеешь угрожать?! Я узнавала, у тебя до сих пор малый дар, ты мне не ровня.

– Я-то нет, а вот физика ошибок не прощает, – пробормотал в ответ.

Но тут Сюзанну переклинило и с криком – Урод! – она воздела руки вверх, отчего струи стали ещё шире и одна из них угодила прямо в торшер.

Там затрещало, а девушка тут же рухнула как подкошенная, вместе с разом потерявшей форму и обрушившейся на пол водой.

– Блять, – прошипел я, оббежал лужу на полу и носком ботинка подцепил провод идущий от торшера к розетке, рывком выдёргивая его. Затем подошёл к дурёхе и, поднатужившись, перетащил на сухое место. Проверив пульс, облегчённо вздохнул – жива. Облокотившись о дверной косяк, вытер усталое лоб.

– Ну ни хрена себе, мон выю, ты что сделал-то?! – вне-

запно раздался за спиной голос Готлиба, а следом послышались удивлённые перешоптывания остальной подвалившей тусовки.

– Ничего, – вздохнул я, – вот не поверишь, ничего.

Глава 5

Иммануил Курдашов был далеко не самым влиятельным среди глав родов. Да и сам род по количеству болдаров был весьма средним. Лишь острый ум и природная изворотливость позволяли ему избегать серьёзных конфликтов и не вступать ни в какие коалиции, поддерживая ровные отношения со всеми сразу. Этому же он пытался учить и сына, но Готлиб совершенно не желал прощаться с беспечным и беззаботным времяпрепровождением.

Примирило Курдашова старшего с вопиющей безалаберностью отпрыска только то, что наследник основные качества отца всё-таки унаследовать смог, поэтому надежда, что, став постарше, тот образумится, ещё в сердце мужчины жила.

Оба они и отец и сын, сидели в рабочем кабинете главы рода в поместье, заняв старинные обтянутые кожей кресла и обсуждали произошедшее на приёме у Стуковых.

– Значит, сын Ричарда смог победить старшую дочку Крыловых...

– Так, отец, – кивнул Готлиб. Парень был удивительно серьёзен, что тоже о многом говорило Курдашову-старшему.

– И она была болдаром?

Готлиб снова кивнул.

– А Рассказов малдар...

Парень только развел руками, произнёс, – По крайней мере так считается. О том, что он стал болдаром не объявляли.

– Не объявляли, – задумчиво потер подбородок Иммануил.

– К тому же, он продолжает ходить в школу для малдар, – добавил Готлиб, – но смысл туда ходить, если уже поднял ранг?

– Это весьма интересный вопрос, сын, – ответил Курдашов-старший, – вот только будь он малдаром, как бы он смог победить Крылову?

– Никто не знает, – ответил парень, – Дрейк сказал, что и пальцем её не трогал, да и там всё было в воде, она же водница, значит силу свою она выпустить успела. Он бы к ней просто не подошел. Но не сама же себя она вырубил.

– А у него какой дар?

– У Дрека? – уточнил Готлиб, – огонь. По крайней мере он мне показывал, что может небольшое пламя зажигать.

– И что, ни единого следа применения магии огня не нашлось? – прищурился мужчина.

– Ни единого, – покачал головой тот, – ни на ней самой ни где-либо ещё. Вообще ощущение, что она просто так сознание потеряла, сама, ни от чего.

– Просто так, говоришь... – тут глаза Иммануила расширились, – а если у сына Ричарда другой дар открылся?

– Невозможно. – С сомнением произнёс Готлиб.

– Если бы ты чуть больше времени проводил за изучением

библиотеки рода и меньше по бабским койкам, то не болтал бы попусту показывая своё невежество. Давно ты видел его последний раз?

– Да месяца четыре назад, – почесал переносицу Курдашов-младший.

– Не задумывался, почему такой долгий срок он не показывался? Просто, если Ричард действительно смог каким-то путём открыть ещё один дар магии в сыне, то он будет об этом молчать, слишком подобное знание ценно. Уверен, в магии огня Дрейк Рассказов по прежнему малдар и любая проверка это подтвердит. Но вот что у него за второй дар, вот это уже очень интересно.

Иммануил посмотрел на отпрыска, – Значит так, сынок, постарайся свои отношения с наследником Рассказовых укрепить. Слишком не навязывайся, но покажи, что ты на его стороне.

– Да мы и так друзья, – произнёс Готлиб.

– Сынок, – осуждающе покачал головой Иммануил, – не заставляй меня думать о тебе хуже, чем ты есть на самом деле. Всё, что было четыре месяца назад, можешь забыть. Расклад поменялся, старые отношения в прошлом. Надо устанавливать новые.

* * *

– Ну что, доигралась? – сурово смотрел на дочь Крылов.

Хуан Сигизмундович, был человеком жёстким, но в дочках души не чаял, отчего и баловал чрезмерно. И сейчас, глядя на понуро сидящую старшую дочь, понимал, что виноват только сам, что слишком много им позволяет.

– Подняла ранг и решила что теперь можешь творить всё что угодно?!

– Папа, я...

– Что, папа, – оборвал открывшую было рот Сюзанну тот, – опять ты натворила делов, а мне расхлёбывать!

– Но почему я?! – глаза девушки вновь наполнились слезами, – это опять он!

– Да-да, – хмуро буркнул Крылов, – именно он на территории Стуковых размахивал водной магией направо и налево, и именно он при всех обещал из тебя что-то выбить?

– Но папа?!

– Да что папа-то! – взревел разъярённым медведем глава рода, – мало того, он при всех признал, что это именно он тебя обесчестил. Если бы ты просто ушла, не ввязываясь в конфликт, то я бы это использовал чтобы стробовать с Рассказовых побольше отступных. Но ты этим своим нападением, всё перечеркнула. Болдар нападает на малдара... После такого любые наши притязания на какое-либо возмещение будут подняты на смех.

– Я понимаю, – совсем поникла Сюзанна, не зная, что больше сказать в своё оправдание.

– Но знаешь, дочь, чем ты опозорила наш род больше все-

го? – взяв себя в руки, уже спокойней произнёс Крылов-старший, – тем что ты ему проиграла. Малдар победил болдара. На следующем собрании глав родов, я удивлюсь, если мне не начнут смеяться прямо в лицо.

– Прости, папа, я не знаю, как это произошло, – тихо про-
бормотала Сюзанна и сама не понимая, как такое могло случиться.

– Какую магию он применил? – после недолгой паузы, уточнил мужчина.

– Я не знаю, – со вздохом призналась девушка, – я только собралась ударить по нему водой и всё, темнота. Меня словно раз и выключили, когда очнулась, вокруг стояла и глазела толпа, а он, как ни в чём ни бывало подпирал стену с видом, будто всё это ему до чёртиков надоело.

– Он хоть сказал что-то, перед тем как ты... тебя...

– Ну, я сказала, что ему конец, – потупилась Сюзанна, – и он ответил, что конец мне, если воду не уберу. Я ещё сильнее разозлилась, крикнула что он мне не ровня. Он что-то ещё пробормотал, я не расслышала что, но смотрел презрительно, как на дурочку деревенскую, я всплыла, ну а затем всё.

Вздыхнув, Крылов-старший только покачал головой, про-
бормотал, – И за что мне это всё. В общем так, дочь моя, – посмотрел он на девушку долгим взглядом, – от этого позора нам не отмыться, но есть шанс выйти с наименьшими репутационными потерями для рода.

– Как? – посмотрела она на отца.

– Тебе надо женить Дрейка Рассказова на себе.

– Папа! – вопль негодования вырвался из груди старшей дочери главы рода, а сама она вскочила на ноги, вся красная, от прилившей к лицу крови.

– Что, папа, – мужчина отвернулся в сторону, – драки между мужем и женой, ну или *будущими* мужем и женой – выделил он голосом слово, – это их внутрисемейное дело и рода не касаются.

– Я... я... я, понимаю... – Шмыгнув носом, Сюзанна опустилась опять на диван и надолго замолчала.

– Вот, вот, подумай хорошенько, – произнёс напоследок мужчина, а затем вышел, оставляя дочь одну.

* * *

Когда в понедельник я высадился у ворот школы и неторопливо, перекинув ремень сумки через плечо, прошел на территорию, то сразу почувствовал некоторый диссонанс. Что-то было выбивающееся из нормального порядка вещей.

Задумчиво постояв, я понюхал воздух, затем попытался оценить прозрачность атмосферы и фазу Луны, которую ещё было неплохо видно, над самыми верхушками деревьев.

Но нет, с этим было всё в порядке.

– Дрейк привет! – пыхтя от натуги, прокричал мне один из одноклассников и я с ленцой махнул в ответ, всё ещё ища ту неправильность, что продолжала царапать мне подсознание.

– Не отвлекайся, – одёрнул того Иванов, на мгновение пройдясь по мне неприязненным взглядом, а затем вновь принимаясь пинать кого-то на земле.

Герой-простолюдин сегодня был тоже какой-то не такой. Я посмотрел в спину Такаюки, задумчиво хмыкнул и пошел дальше, то и дело натываясь на замерших и каких-то растерянных школьников, что постоянно шушукались между собой.

И только потом, когда я уже почти дошел до класса, до меня дошло, что было там самым неправильным – Иванов. Почему-то сегодня толпой били не его, а он сам бил кого-то толпой, в которой было как-минимум пятеро моих одноклассников.

Хмыкнул про себя, всё-таки подговорил Такаюки-кун народ на бунт. Ну ладно, это его путь, ещё хлебнёт полной ложкой, придёт понимание.

Когда минут через пять они, шумно что-то обсуждая и гогоча, ввалились в класс, я уже сидел на своём любимом месте и развернувшись к окну, задумчиво вспоминал интересные задачки из «Занимательной физики».

– Ну что, – бесцеремонно уселся прямо на мою парту Иванов, довольный как объевшийся сметаны кот. Форменный пиджак на нём был расстёгнут, рубашка топорщилась мятым воротом, но гонор изнутри пятиклассника так и пёр. – Си-дишь?! Скоро мы твоим друзьям аристократикам покажем где раки зимуют. Ша, кончилось ваше время, теперь мы тут

будем главные.

Зевнув, я посмотрел на растянувшего рот в широкой улыбке парня, спросил с некоторой отстранённостью, всё-ещё пребывая одной частью мозга в прочитанной книге, – Слушай, Такаюки-кун, вот ты для чего становился сильнее?

– Для того, чтобы давать отпор таким как ты! – немедленно ответил он.

– Тому типу перед школой, кто бы он ни был, ты тоже давал отпор, или вы просто его толпой запинали?

– Он хотел нас унизить!

– А ты хочешь стать болдаром? – задал я сбивший его на секунду с толку вопрос.

– Конечно хочу, – фыркнул парень.

– Тогда получается, – начал я развивать мысль, – с учётом существующей методики обучения, тот тип просто хотел дать вам возможность развить свой дар. Так же выходит?

– Дар можно развить не только испытывая унижение, но и унижая самому, – насупившись, ответил Иванов, уже чувствуя, что я начинаю клонить куда-то не туда.

– То есть, ты, с остальными, просто решил тоже поднимать свой дар через унижение других. Значит все эти разговоры про отпор, обман? – я чуть дёрнул бровью, с некоторым сомнением глядя на посмурневшего одноклассника, – Тогда ты просто занимаешься подменой понятий. И ничем не лучше других.

– Я не такой как другие! – взвился тот, сжимая кулаки.

– Не заметил, – спокойно ответил я ему. – Хотя можешь не переживать, осуждать не стану. Мне вообще как-то пофиг, каким путём вы тут ранги решили поднять, ваше дело, не моё.

– Слышь ты, – с угрозой в голосе протянул Иванов, – я тебе сейчас врежу.

– Такаюки, не надо, – внезапно вмешался ещё один наш одноклассник, – Дрейк прав, мы собирались просто не давать себя в обиду, нападать первыми это не защита.

«Глупец, – подумал я, – как раз таки самая лучшая защита это превентивное нападение» – но вслух говорить не стал. Можно тысячу раз объяснить что огонь жжётся, но поймет он он это только когда сам сунет палец в пламя.

Такаюки тоже был не согласен, но почему-то тыкал пятернёй в меня, пытаюсь обвинить, что это я тоже кого-то унижаю.

Вот только поддержки не нашел.

А я вновь зевнул. Спать хотелось неимоверно.

После урока физики, стоящего третьим в расписании, на котором Аристарх Эдмундович неистовствовал особенно, отчего без сознания звонок с урока встречало аж пятеро учеников, он внезапно подошел ко мне.

Отношения у нас с ним складывались замечательные, я быстро выбился в лучшие ученики и любимчики вечно недовольного учителя, поэтому он ко мне обращался не по фамилии, как к остальным, а по имени, что слыло знаком наи-

высшего доверия.

– Послушай, Дрейк, – произнёс он, – я тут узнавал, ты не состоишь ни в одном школьном клубе, почему?

– Ну, – я на секунду даже прекратил складывать сумку, пытаюсь найти удобоваримый ответ на этот вопрос, – они все не интересные. Клуб карате для дебилов, которые решили себе отшибить и так последние мозги, в эту же категорию – абсолютно бесполезных, идут и все остальные спортивные клубы. Клуб садоводов и кулинарии это девчачья тема, мне не интересно. Компьютерный клуб пробовал, но они слили мне все бои в контру и там мне просто скучно.

– Да, но есть ещё один клуб, – улыбнулся Канаплян одними губами.

– Какой? – посмотрел я на него.

– Мой личный, клуб физики.

А вот это было что-то новенькое. По крайней мере в списке общедоступных клубов его не значилось. И плюсом, там было магическое слово – физика, на которое я не мог не клюнуть. Согласие своё я тут же дал и мы, пользуясь тем, что началась большая перемена, пошли знакомить меня с клубом.

По дороге Аристарх Эдмундович ловко подставлял подножки бегающим по коридору ученикам, а когда те на полном ходу улетали бороздить носом пол, с нескрываемым удовольствием им орал, что марать пол в коридоре запрещено, и кровью в том числе.

Я, кстати, тоже был за чистоту. Даже поделился платком

с одним из грязнуль, чтобы тому сподручней было оттирать кровавые пятна с пола.

Само помещение располагалось за неприметной дверью, в правом крыле школы на втором этаже. Но зайдя внутрь, я испытал изумление граничащее с благоговением, настолько содержимое внутри контрастировало с невзрачностью самой двери снаружи.

– Это же, газоразрядный лазер! – Подскочил я к установке на первом столе, – А это трансформатор Тесла!

Пробежав глазами дальше я увидел десяток радиоизмерительных приборов, затем несколько мощных компьютеров, за которыми, не рублились в стрелялку по сети, а что-то увлечённо программировали два индивида чуть помладше и остановил свой взгляд на дергающемся в конвульсиях антропоморфном роботе, к которому тянулись от компьютера несколько проводов.

– Сергей, Василий, – позвал тех Канаплян, – вот, новый член клуба – Дрейк Рассказов. А это, – повернулся он ко мне, – две подающие неплохие надежды звезды физики с четвёртого класса.

Парни тут же засмутились, потупив очи долу, затем, вновь остановили взгляд на мне.

– Смотри, – прошептал Василий, толкнув локтём напарника, – аристократ.

– Аристократ, аристократ, – покивал я головой, прошел к роботу, придирчиво осмотрел, – что с ним пытаетесь сде-

лать?

– Да запрограммировать, на нормальное движение. Вот только не выходит, – с легким стыдом в голосе произнёс Сергей, почесав затылок.

– Сейчас посмотрю, – ответил я.

– Так, парни, вы пока знакомьтесь, а я в учительскую. –
Определив, что у нас вроде общение начало складываться, физик поспешил на выход.

Дождавшись, когда Аристарх Эдмундович свалит в закат, я засучил рукава, сел за компьютер, где была прописана очередность команд для движения робота и принялся изучать.

– Слушай, – попытался отвлечь меня Василий, – может мы сами покумекаем. Для не специалиста может быть сложновато.

Но я только махнул рукой, чтобы он отстал. Всё их программирование было детским лепетом по сравнению с тем огромным пластом знаний моего прошлого мира относительно управления големами и элементариями. Они же как этот робот, не имеют никакой свободы действия, всё только по внедрённому магом алгоритму.

Нет, я не умалял достижений местных программистов, но глядя на то, как они расточительно используют дисковое пространство и нагружают оперативную память, только цыкал, да сокрушался. Но опять же, у них самой науке меньше ста лет, а в моём мире направление магического големостроения существовало уже несколько тысяч лет, где создавали

сложные управляющие программы которым подчинялись не одиночные големы а целые их армии.

Что ж, вот и представилась возможность чутка поучить аборигенов передовой науке. Быстро разобравшись с принципами составления команд на местном языке программирования, я стал безжалостно резать и оптимизировать код, попутно добавляя всё новые и новые строки.

С каждой новой строчкой, головы двух будущих физиков опускались всё ниже, а взгляды становились всё любопытнее, пока, наконец я не закончил писать программу и не ткнул на запуск.

– Ох тыж, Серега, гляди, – толкнул Василий товарища, – чего вытворяет.

А робот, меж тем, ловко балансируя на ногах, принялся выплясывать энергичную джигу-дрыгу, умудряясь при этом не упасть.

– Ну что, – крутанулся я в кресле, закидывая ногу на ногу, – не плохо для не специалиста?

– Шутишь, – сглотнул Сергей, – да ты не специалист, ты форменный монстр.

А я заулыбался. Да, да, так меня тоже называли.

Глава 6

– Проходи Дрейк, – гражданин отец сидел за столом в своём рабочем кабинете и задумчиво меня разглядывал. Пожав плечами, я плюхнулся в кресло у книжного шкафа, служившего скорее декорацией, чем реально использовавшегося, и принялся скучать. Должна была начаться очередная лекция на тему как хорошо быть болдаром и как плохо малдаром. Но не угадал.

– Да меня дошли слухи, – как-то дипломатично, чего от него вовсе не ожидалось, произнёс Рассказов-старший, – что на мероприятии у Стуковых ты повздорил с Сюзанной Крыловой.

– Повздорил, будет слишком громко, – ответил я, – она хотела от меня признания, она его получила. Почему это обидело её ещё сильнее, я не представляю. Никогда не понимал женщин.

«И видимо никогда не пойму, – раздраженно подумал я, – тысячу лет прожил, а так и не разобрался, почему одни верны всю жизнь после мимолётной интрижки, а другие предают и подливают яд после десяти лет совместной жизни, заваленные роскошью и подарками. Даже ментальное сканирование не помогало. Сегодня она тебя беззаветно любит, а завтра, почему-то, ненавидит как злейшего врага».

– Но она напала на тебя, – прищурился отец.

– Напала, тоже чересчур громкое заявление, – потёр я переносицу, – так, помахала этими своими струями.

– А потом? – протянул чуть наклонив голову Рассказов-старший, глядя на меня.

– А потом она потеряла сознание и упала.

– Вот так просто взяла и сама, без причины?

Я развел руками, как бы говоря – фигня случается.

– Знаешь, Дрейк, – вздохнул мужчина, – раньше ты не был таким скрытным. Спрошу прямо, ты поднял магический ранг?

И тут до меня дошло, к чему он это всё затеял. Ох уж этот их культ личной силы и дуэлей. Он решил, что раз Сюзанна была болдаром, то победить я её мог только тоже скакнув в ранге магии. Просто потому, что в местном понимании малдар болдару не ровня априори.

– Нет, – покачал я головой, не став скрывать правду, – это она сама себя вырубил, закоротила торшер и её трахнуло током. Двести двадцать вольт, пятьдесят герц – не шутка.

Но тут, внезапно, Ричард Рассказов побагровел, и со всей силы шандарахнул кулаком по столу, отчего стоявшая там чернильница подпрыгнула и перевернулась. Спрашивается, нафига только на столе стояла, если давно шариковые ручки изобрели и перьями пишут только отбитые фрики. Я, кстати, эту шариковую ручку как увидел первый раз, так не смог сдержать слёз, целовал её, прижимал к себе, шептал – Ты моя прелесть.

Ох, сколько пергаментов я исписал этим уродским гусиным пером в своём мире, сколько трудов и мучений пережил. И ведь не всё писцам доверишь, многое приходилось самому...

Из мимолётных воспоминаний меня вырвал злобный рык взбеленившегося непонятно из-за чего отца.

– Хватит придумывать! – Прорычал он, – Какие, твою мать, двести двадцать, какие пятьдесят. Ты что, за идиота меня держишь?! Глупее вранья я в жизни не слышал, совсем уже со своей физикой от реальной жизни оторвался. Быстро говори, какой магией ты её победил!

Посмотрев на того как на идиота, я только вздохнул, но делать нечего, пришлось на ходу импровизировать.

– Хорошо, – склонил я голову, чтоб ненароком себя не выдать едкой ухмылкой, – ты меня раскусил, её действительно вырубил я, но это была не магия, а особый секретный удар который мне показал мастер Сирахерама.

– Она даже не заметила его, – сощурившись, произнёс Рассказов-старший, проявив недюжинную осведомлённость. Его лицо потеряло красный оттенок и стало задумчивым.

– Это часть секретного искусства бесконтактного боя, переданного ему тайным мастером Чхарьком, отец.

Тут папаше крыть было нечем. Сам же нанял великого мастера.

Минут пять посидев в тишине, глубокомысленно похмыкивая, Ричард Рассказов так и не нашел что ещё сказать, на-

конец вздохнул тяжело, вымолвил, – Как же, всё-таки, ты изменился, – и отпустил кивком головы.

Поднявшись, я вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

Все, абсолютно все отмечали, что я очень изменился за лето, но вопросов это ни у кого не вызывало. Потому что на то была весьма веская причина, собственно я и занял это тело благодаря ей же, вернее их совокупности.

Всё началось с того, что на Дрейка Рассказова напали какие-то очень смелые похитители, решившие срубить бабла, растреся род Рассказовых на бабки за спасение жизни наследника рода.

Для пушего устрашения, они затащили, тогда ещё не меня, но моё будущее тело, вяло сопротивляющееся, на крышу здания, где решили записать на видео как они подвешивают меня за ноги над пустотой в пять этажей глубиной.

Вот только эти идиоты не смогли решившего в очередной раз взбрыкнуть парня удержать, и тот, голося от ужаса, полетел вниз.

Тут бы и сказочке конец, но крепкие ветки близко растущего дерева не дали тому воткнуться головой в землю, отпружинив и отбросив чуть в сторону.

Там, правда, начиналась уже проезжая часть и вставшего с асфальта Рассказова-младшего сбил не успевший вовремя затормозить грузовик. Его отбросило обратно на газон, но дальше грузовик, потеряв управление, снёс столб линии

электропередач и парня сначала придавило железобетонной опорой, а затем, сверху упали провода десяти киловольтной линии, с почему-то не сразу сработавшей защитой.

К моменту, когда тело парня забирала скорая, он был ещё жив. Вот только, по дороге в больницу, в скорую врезалась тоже спешащая, только на пожар, пожарная машина. От удара двери скорой распахнуло и каталка с телом вылетела на проезжую часть, где, удачно приземлившись на колёса, стала быстро набирать скорость, двигаясь под уклон, пока, с разгону, подпрыгнув на цветочной клумбе, не влетела в окно того самого горящего здания, куда спешили пожарные.

Через час, переломанную, обгорелую и пораженную электрическим током тушку всё-таки смогли доставить в реанимацию. Правда, уже без признаков жизни, поэтому, отчаявшись оживить труп, отвезли в морг, где поместили в морозилку. По видимому, где-то в этот момент в тело, покинутое прежним хозяином, и попал я. Не знаю, что подумал работник морга, когда я вежливо постучался изнутри, но уносили нас обратно в реанимацию уже обоих.

Накопленная энергетика моей тысячелетней души не дала телу загнуться и, несмотря на все усилия врачей, я медленно но верно пошел на поправку.

* * *

– Дрейк, вот ты где, – в коридоре меня поймала маман и

я, снова вежливо улыбнувшись, посмотрел на неё.

Женщина была необычайно оживлена, глаза поблескивали, а по лицу блуждала непонятная улыбка. Схватив меня за руку, потащила за собой, на ходу приговаривая, – Сынок, пойдём быстрее.

– Зачем?

– Встречать гостей, конечно, – ответила она таким тоном, будто это я ждал кого-то и лишь по глупости об этом забыл. Вот только я никого не ждал.

– И что за гости? – спросил я, решив не сопротивляться маман, тащившей меня с упорством буксира.

– Кузины твои, близняшки, – как само собой разумеющееся, пояснила Эльвира, – Тоши и Хэнэко.

– Мам, – произнёс я спокойно, – мы же вроде с отцом решили, что я буду выбирать себе жену из другого рода?

– Не знаю, что вы там с отцом решили, – остановившись, и упрямо поджав губы, ответила та, – но когда ты увидишь девчонок, ты точно и думать забудешь о каких-то посторонних вертихвостках, – тут она вновь мечтательно заулыбалась, прижала ладошки к щекам, – они такие красавицы выросли, Дрейк, ты не поверишь!

В холл мы спустились, когда слуги заносили чемоданы неожиданных гостей. Вернее только мною неожиданных. Мать, похоже, всё втихую и организовала, решив взять меня измором. Ну-ну...

Обе мои кузины тоже находились тут и увидев мать, друж-

но заулыбались и закричали, – Тётя Эля!

Та немедленно обняла их, затем расцеловала в обе щёки.

– Как выросли, как похорошели, – приговаривала она, разглядывая близняшек.

Выросли они это точно. Я бы этим кобылам шестнадцать и не дал бы, минимум лет двадцать а то и больше, капуста, похоже, основным компонентом рациона была...

– А это ваш братик, – маман вдруг совсем по-девчачьи хихикнула, посмотрела на меня, – ну же, Дрейк, обними любимых сестрёнок.

Нечего делать, пришлось обниматься. То ещё занятие. Эти две оголтелые акселератки тыкались в меня сиськами совершенно ничего не смущаясь. Ещё и без лифчиков оказались, сквозь тонкую ткань блузок соски я почувствовал очень хорошо.

Мда...

Тут женщина решила оставить нас одних и быстренько поднялась по лестнице на второй этаж, скрывшись в недрах дома. Улыбки на лицах близняшек тут же пропали.

– Значит так, – прищурившись, произнесла та, что стояла слева, по всей видимости Тоши, – во-первых, уясни сразу, братик, – последнее слово она произнесла с ясно слышимой издевкой, – ты нам не нравишься и мы здесь только по просьбе тёти Эли, потому что она классная и нам не хочется её расстраивать.

– Взаимно, – произнёс я быстро, разглядывая гору чемо-

данов которую наташили слуги, похоже близняшки ещё и полдома с собой прихватили.

– А во-вторых, – произнесла задиристо вторая – Хэнэко, хрустнув кулаками, – мы тебя побьём!

– Не выйдет, – рассеянно произнёс я, прикидывая, в какую из комнат влезет столько барахла, – меня обучает тайному стилю бесконтактного боя мастер Сирахерама.

– Врёшь, – набычилась Хэнэко.

– Не вру, – ответил я, – можешь у матери, вашей тёти спросить. Кстати, одна особа с большим даром, уже пыталась на меня напасть.

– И? – нахмурившись, уточнила Тоши.

– И я её победил одним ударом, который она даже не заметила.

Обе девахи задумались, то и дело поглядывая на меня. Я прямо видел, как во всю крутятся шарики с роликами у них в головах. Верить мне они не хотели, но я говорил слишком уверенно, да ещё и спокойно в свидетели приводил мать, это их сбивало с толку.

Что до меня, то поразмыслив ещё, я понял, что подобное враньё мне выгодно с какой стороны не посмотри, главное туману понагнать и врать побольше. Так и отстанут. Давно известно, чем больше лжи, тем больше в неё верят.

– Может тогда покажешь хоть один удар? – переглянувшись с сестрой, произнесла Тоши.

– На вас?

Девчонки неуверенно кивнули.

– На вас не могу, – но только они попытались победно заулыбаться, как я спокойно добавил, – во-первых, ваша энергетика к такому не готова и может серьёзно пострадать, а во вторых, это тайное учение мастер Сирахерама согласился мне передавать только взяв с меня клятву, что я никогда не буду применять его первым. Исключительно в целях самозащиты.

Те снова замолчали, а я, хмыкнув, развернулся и с независимым видом направился к себе.

– Ну хоть тренировку вашу можно посмотреть? – крикнула мне в спину Хэнэко. Я уже научился различать их по интонациям.

– Тренировку? – я на миг задумался, но затем, полуобернувшись, кивнул, – тренировку можно, но сначала мне надо будет обсудить это с мастером. Далеко не всё можно показывать посторонним.

* * *

– Дрейк, зачем? – в голосе бурята я услышал самое настоящее отчаяние, когда сообщил, что он теперь меня обучает таинственному бесконтактному бою и скоро мы с ним проведём показательную тренировку.

– Не бзди, – ответил я, ещё раз продумывая в голове план, – главное запомни, что учил тебя тайный мастер Чха-

рѣк, в месте которое скрыто от глаз простых смертных. И найти его невозможно, он сам находит достойных и забирает к себе.

– Вообще-то, – буркнул лже-мастер, – я и сам про скрытое в горах додзѣ придумал. Без тебя. Но бесконтактный бой, это же чушь, кто в такое поверит?

– Это же маги, – позволил себе хмыкнуть я, – они во всё поверят. Главное побольше мелких подробностей. Чем подробнее ложь, тем она более достоверна. Скажи, что додзѣ расположено в скрытой деревне, ммм... например, орла. Во, точно. Скрытая деревня орла, которой заправляет мастер Чхарѣк и где живут остальные адепты бесконтактного боя.

– Ну это ладно, – почесав тыкву произнёс Степан, – но всё-равно, что насчёт бесконтактного боя, как показывать будем?

– Легко, – я прошелся по татами, принаравливаясь к чуть пружинящему покрытию, – он же бесконтактный, поэтому никаких там ударов и бросков. Показывать будем медленно, скажем, чтобы не оказывать сильного воздействия на энергетику зрителей.

– Какую энергетику?

– А есть разница? – подняв бровь посмотрел я на парня, – просто энергетику. Звучит серьёзно, а там каждый уже сам додумает, что это за энергетика. Какие-нибудь тонкие поля, астральное тело, биотоки и прочая белиберда. В общем, не переживай.

– А если спросят?

– Скажи, что учение секретное и под страхом смерти разглашать нельзя, иначе придёт мастер Чхарёк и накажет отступника.

Бурят со стоном закрыл лицо ладонями, прошептал через них, – Во что ты меня втравливаешь...

– Нормально всё будет, – я встал напротив него, – а теперь давай порепетируем.

Отняв ладони, тот хмуро посмотрел на меня, но больше говорит ничего не стал.

– Значит так, – принялся импровизировать я, – например я иду на тебя, вытянув вперёд руки, как будто собираюсь схватить.

Повторил это в натуре, медленно идя на новоиспеченного мастера бесконтактного боя.

– А ты, в это время, когда я буду в паре метров, вот так рукой как бы перед собой черти полукруг.

Я посмотрел на продолжающего стоять Степана, скомандовал, – Черти давай!

Тот быстро повел рукой перед собой.

– Не так быстро, – поправил я его, – мы же бережём энергетику зрителей. Плавно, не торопясь, как в замедленной съемке.

Степан кивнул и повел рукой уже медленней. Я тут же скобочился, сделал ногами пару заплетающихся «па» и завалился набок на татами. Вскочил, сказал, – Видишь, ты типа

воздействовал бесконтактно на энергетику моих ног и завалил меня на пол. Понял?

– Хм, – почесал тот затылок, – вроде да. Не сильно сложно.

– Ну а я о чем, – тут же заулыбался ему в ответ, – в том-то и суть бесконтактного боя, что всё просто, не карате чай какое-нибудь.

Мы ещё поотрабатывали приёмы с воздействием сзади, когда я мешком заваливался на спину, затем я имитировал удар в скулу и Степан как бы, незримой силой, уводил меня в сторону, а затем опускал руки вниз и я тоже оседал на пол.

Ну а финальным аккордом я решил продемонстрировать самый страшный удар.

– Значит так, – произнёс я, снова вставая напротив, – сейчас просто пристально на меня смотришь. Да не так, выпучись. Нет, нормально выпучись, всем должно страшно стать, а не смешно. Ну как на толчок по большому пошел, только делай это как бы сурово. Во, отлично!

Схватившись за шею, с криком – Ай! – я завалился на татами. Затем встал потирая якобы место удара. Сказал удовлетворённо, – Ну всё, это коронка будет. А остальное, скажем, слишком секретно, чтобы показывать непосвящённым.

– А если кто-нибудь ещё у меня заниматься этому захочет? – засомневался вновь бурят.

– Скажешь, что этому тайному искусству разрешено обучать только одного ученика за раз.

– Но когда мы с тобой закончим, снова же попросят.

– Тьфу, – я упёр руки в бока, недовольно глядя на парня, – ты что такой тугой, ну скажи, что обучать можно только тех кто подходит, а они не подходят. И вообще, срок обучения ученика десять лет. А за десять лет что-нибудь придумаем.

– И как ты это только всё придумал...

– Не спрашивай и мне не придётся врать, – ответил я, пробуя какие-то боевые стойки, глядя в зеркало и по всякому выгибая руки, ища наиболее впечатляющие позы.

– Да уж, вижу в этом ты мастер, – вздохнул Степан.

– Ради нас обоих стараюсь, – вновь ответил я, затем попросил, – Ну ка, оцени, как тебе такая стойка, я её назвал – «Орел расправил крылья и пикирует на добычу».

– Вообще-то, когда орел пикирует, он крылья складывает, – вновь, явно из вредности, возразил мне бурят.

– Да кого это волнует, – махнул я рукой, – главное эффект!

Глава 7

Появившись на пороге школы я заметил странные взгляды, что на меня бросали отдельные ученики. Преимущественно со значками аристо на воротнике. Некоторых я помнил по вечеру у Стуковых, некоторых нет, но, похоже, слухи, о моей победе над Сюзанной разлетелись широко.

– Дрейк Ричардович, – один из старшеклассников, сурово просеивающий взглядом мелкоту в фойе, увидев меня расплылся в улыбке и предложил, – давайте помогу с верхней одеждой.

Оглядев скупившуюся у гардероба и вяло перепихивающуюся за право первоочередной сдачи куртки толпу, на которую то и дело рывкала суровая гардеробщица тётя Глафира старшая прапорщица в отставке воздушно-десантных войск, я милостиво кивнул, скидывая кожаное пальто от модного дома «Дон Саркисян», ему на услужливо подставленные руки, – Будь так любезен.

С моей курткой в руках, тот решительно, словно атомный ледокол во льды, врубился в брызнувших во все стороны младшеклассников, не забывая посмевающим возмутиться, отвешивать леща крепкой лопатообразной ладонью.

Прошло секунд двадцать, не больше, как взамен куртки, в моей ладони оказался гардеробный номерок.

– Пожалте, Дрейк Ричардович, – с легким поклоном про-

изнес старшак.

Я посмотрел на минимум двухметрового бугая, что замер словно ожидая чего-то в ответ, усмехнулся, ответил, – Благодарю, жаль, не знаю вашего имени.

– Николая Валуа, – тут же охотно произнёс тот.

«Француз, ёп-та, – хмыкнул я, про себя, – а по лицу и не скажешь. Ещё одна жертва родителей, навроде нашего Такаюки?».

– Что ж, – ответил ему вслух, – я запомню.

Поднявшись в класс, я вновь занял место у окна, вглядываясь в тянущийся до горизонта лес. Я уже и не помнил, когда в прошлом мире мне удавалось вот так сидеть и смотреть на дикую и почти не тронутую природу, а не ломать голову над очередной проблемой государственного масштаба. Просто сидеть и смотреть, глядя как чуть колышутся хмурые верхушки елей, волнами перекатываясь под порывами ветра, словно тёмно-зелёное море.

К сожалению, в эту идиллию грубо, без какого-либо чувства такта снова влез Иванов.

– Дрейк! – неприятно царапнувший по нервам голос простолоудина вырвал меня из медитативного состояния, и заставил недовольно полуобернуться.

Посмотрев на пытающегося нависнуть надо мной парня, грозно упёршего руки в бока, со вздохом спросил, – Ну чего тебе опять, Такаюки-кун?

– Не называй меня так!

Я зевнул, вновь повернулся к окну.

– Дрейк!

Повернувшись обратно, я чуть поднял бровь, – Да, Такаюки-кун?

Парень практически зарычал, но, стиснув кулаки, сдержался. Поджав губы, попрожигал меня взглядом с минуту, а затем спросил, как всегда прямо и грубо, – Ты болдар?

– Ты думаешь, что я болдар? – ответил я вопросом на вопрос.

– Слухи ходят, – сощурился парень.

– Ну и пускай себе ходят. Мне-то что.

– Говорят ты победил болдарку.

– Говорят, что кур доят.

– Так это правда?

Я вздохнул, этот идиотский разговор начинал меня утомлять.

– Нет, кур не доят, это просто поговорка такая.

– Я не про кур, что ты победил болдарку! – от закипающего Иванова начал потихоньку идти пар.

– Ну победил, и что?

– Значит ты болдар, – убежденно заявил парень.

– Нет, не болдар, – ответил я спокойно.

Остальные одноклассники тоже прислушивались к нашему разговору, хоть и делали вид, что он их совсем не интересует. Видимо герой-простолоудин в очередной раз провёл свою просветительскую работу в попытках настроить их

против меня.

– Ты не мог победить с малым даром!

– Не ори, – поморщился я, – и победил я её не даром, а тайным искусством бесконтактного боя.

– Такого искусства нет, – недоверчиво произнёс Иванов.

– Ну нет, так нет, – развел я руками.

– Опять смеёшься надо мной?

– Ты видишь на моём лице улыбку? – сощурившись произнёс я.

С яростным рыком развернувшись, Иванов понёсся от меня прочь. Бедному Такаюки-куну опять не хватило терпения и выдержки. Прищуренным взглядом я проводил его удаляющуюся спину, затем, опустив взгляд ниже, подумал, – «Сказать ему, что у него шнурок развязался?».

Но тут всё решилось за меня, потому что Иванов на очередном шаге на этот самый шнурок наступил, дернулся и, потеряв равновесие, рухнул вперёд, лбом, с треском и грохотом, впечатавшись в угол парты, после чего замер на полу словно труп.

Ещё пару секунд я хмуро наблюдал за ним, пытаюсь понять, живой он хоть, после такого, но увидев, как грудная клетка продолжает чуть вздыматься, с некоторым облегчением хмыкнул и посмотрел на остальной класс.

Вот только весь класс, в полной тишине, сидел выпучившись не на Иванова, а на меня.

Увидев мой взгляд, все тут же спешно поотворачивались,

а одна из девушек, даже испуганно ойкнула и прикрылась учебником.

– Ты видел, – услышал я чей-то шепот, – как он его, одним взглядом.

– Что ты хочешь, – вторил ему испуганный шепот второго – искусство бесконтактного боя.

– Ты думаешь это оно?

– А что же ещё.

В этот момент в класс влетел учитель английского языка и литературы, Леопольд Стивенсович Книг. Был он невысокого роста, достаточно щуплый и на вид не слишком физически развитый. Ботанический вид ему добавляли очки и вечно растрёпанная шевелюра. Это и полная непримиримость к двоечникам, периодически провоцировали отдельных учеников на выяснения отношений с учителем с помощью кулаков.

Но недаром Леопольд Стивенсович носил майку с надписью «I love бокс» и звание мастера спорта по боксу в полулёгком весе. Поле боя всегда оставалось за ним, довольно почёсывающим сбитые казанки.

Пробежав вдоль рядов, он притормозил на секунду, глядя на лежавшего без сознания Иванова, спросил у ближайшего ученика, – Вотс вронг виз хим?

– Упал, Леопольд Свинсонович, – заикаясь ответил тот. А затем мгновенно побледнел, поняв какую фатальную ошибку допустил. И нет, дело было не в исковерканном отчестве.

– Бэг оф бонс, – прошипел тот, приморозив парня ледяным взглядом к стулу, – Ин инглиш, маза фака, ин инглиш!

– Хи ис дропт? – глядя на учителя затравленным взглядом, осторожно предположил тот.

– Факин колорадо кид! Хи фэлл! Фэлл! – брызгая слюной прокричал тот в лицо парню.

Затем Книг перевёл взгляд на сидевшую рядом девушку, что, от учительского крика практически перешла в состояние близкое к бессознательному, ласково похлопал её ладонью по лицу, – Хэй, слипин быоти, ком бэк фром джойлэнд.

Та немного очухалась, сглотнув, произнесла дрожащим голосом, – Хау кэн ай хелп ю, сё? – не рискнув связываться с отчеством.

Леопольд Стивенсович кивнул на так и не приходящего в сознание Иванова, – Вот зе фак хепенд ту хим?

Та нервно обернулась, посмотрев на меня, затем вновь перевела взгляд на учителя, произнесла через силу, – Ай донт ноу...

Вслед за ней, Книг прищурившись посмотрел на меня.

– Лондон ис зе кэпитал оф грейт британ, – произнёс я. Книг побагровел, но я быстро добавил, – Онли Иванов диднт ноу ит анд пэй зе прайс.

Тут в кабинет заглянула голова одного из старшеклассников и он быстро произнёс, – Дрейка Рассказова к директору.

Не дожидаясь, когда Леопольд Стивенсович опять завопит почему не на английском, голова исчезла, а я вопроси-

тельно посмотрел на учителя.

– Гоу, – махнул тот слегка недовольно рукой и я, подхватив сумку, направился в выходу из класса. И чего от меня вдруг понадобилось директору? Неужели тоже решил, что я болдаром стал?

Дверь директорской приёмной всегда была гостеприимно раскрыта, но желающих туда войти по своей воле было исчезающе малое количество.

Словно поджидающая беспечных жертв жадная пасть, сияющий призрачным серебристо-голубоватым светом проём, прикидывался самым обычным, ничем не отличающимся от соседних входом. Вот только иногда те, кто сюда входил, больше никогда не выходили, по крайней мере, традиционным способом.

А ещё, боязливым шепотом рассказывали, что директор иногда любит применять нетрадиционные методы воспитания. Причём настолько нетрадиционные, что никто доподлинно не знал, в чём же они заключались.

Слыша подобное мне даже немного стало интересно. Я, конечно, сомневался, что он придумал что-то такое, чего я не попробовал за тысячу лет, но всё же.

Заглянув в проём, я увидел сидевшую за столом в приёмной директорскую секретаршу на бейджике которой на правой стороне форменной зелёной блузки крупно была написана фамилия с инициалами – Воровайкина Л.Д.

Была она гражданкой лет сорока, с стрижкой ёжиком,

смолившей сигарету и cedившей мелкими глоточками вязкий до черноты чифир.

Поинтересовался, – Лидия Дмитриевна, а директор у себя?

Та смачно харкнула в пепельницу, покосилась нечитаемым взглядом, хрипло произнесла, – Григорий Борисович пока свободен, но не надолго.

– Ну тогда я зайду.

Пройдя через приёмную, поднял руку, чтобы пару раз стукнуть из вежливости по дверному полотну, но секретарша вновь буркнула, – Не стучи, Григорий Борисович этого не любит. – После чего ткнула одним пальцем на компьютере клавишу «пробел», и блаженно щурясь, откинулась в кресле, под заигравшее из колонок, – Наколочки, наколочки, гоп татуировочки...

Оказавшись внутри, я увидел, что директор стоит у окна, смотря куда-то вдаль, чуть сгорбившись, одной рукой цепляясь за толстые прутья металлической решётки, а второй поглаживая сидевшего на подоконнике рядом кота.

Обернувшись, он увидел меня, подхватил мяукнувшую животину и неторопливо уселся в казённое кресло. Мне, что характерно, сесть не предложил.

Ну здравствуй, Дрейк, – произнёс Зонов, оглядывая меня цепким взглядом из под полуприкрытых век.

– Здравствуйте, Григорий Борисович, – ответил я, ничуть не обманываясь расслабленному состоянию сидевшего

мужчины. Слишком многое свидетельствовало, что директор куда более опасен, чем пытается казаться. На таком месте обычный фраер на понтах, всплыло вдруг в памяти жаргонное словечко, не усидиться.

И в то же время меня не отпускало стойкое ощущение, что вся эта уголовная эклектика, усердно демонстрируемая школьной администрацией, не более чем очередная форма перфоманса, провоцирующая дополнительный стресс у учеников, ещё один слой социальной лестницы унижения, финальная его ступенька, квинтэссенция, так сказать.

– Малява на тебя пришла, – произнёс он, вдруг.

Я поднял бровь, но ничего не сказал, ожидая продолжения.

– Пишут, ты болдаром стал и скрываешь.

– Кляузничают, – ответил я, – подставить хотят, волки позорные.

– Возможно, – задумчиво кивнул тот, продолжая чесать у кота за ушком.

Тут в кабинет заглянул завуч, произнёс, – Вечер в хату, Григорий Борисович.

На что директор по дружески кивнул, – Заходи, Степан Абрамыч.

Крепко сбитый, коренастый, с выколотыми на пальцах перстнями, заместитель по учебной работе садясь в другое кресло, бросил на меня косой взгляд, хмыкнул, – А, Дрейк Рассказов. О чём базарите?

– Да вот, на пацана малява пришла, что он масть свою настоящую скрывает.

Взгляд Уколова заострился и критически прошелся по мне. С лёгкой угрозой в голосе он протянул, – Если так, то нехорошо это. Кидаловом пахнет. Негоже болдару среди малдар чалиться, не по понятиям.

– Малдар я, отвечаю, – произнёс я спокойно, под взглядами двух педагогов в образовании, на ходу подстраиваясь под их манеру речи, – мне резона нет гнать фуффло.

– Больно странностей много в тебе, – с сомнением буркнул завуч, – над собой не работаешь, не совершенствуешься, авторитет среди учеников не поднимаешь, в туалете только ручки моешь. Хоть бы раз обоссал кого. Учишься опять же хорошо. А это плохо. Ты же умный пацан, в понятиях вроде разбираешься, а о будущем не думаешь. Почему до сих пор себе никого в подручных не определил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.